

В. ВВЕДЕНСКИЙ

Приказчик без головы

Романы об эпохе зарождения русской криминалистики

Александра Тарусова

Валерий Введенский
Приказчик без головы

«ЭКСМО»

2014

Введенский В. В.

Приказчик без головы / В. В. Введенский — «Эксмо»,
2014 — (Александра Тарусова)

Всегда сложно мириться с несправедливостью. Особенно если дело касается человеческой жизни. В такой непростой ситуации оказывается Александра Ильинична, Сашенька, – любимая и любящая жена присяжного поверенного, князя Дмитрия Даниловича Тарусова. Первое дело, которое ему поручают рассмотреть, – убийство приказчика. Его обезглавленное тело нашли в реке. На первый взгляд все кажется простым, а итог следствия – предсказуемым: признание подсудимого получено, улики найдены. Но Сашенька подозревает, что тут не все «чисто», и с энтузиазмом принимается за расследование...

© Введенский В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Введенский

Приказчик без головы

Посвящается Тане и Никите

*Автор благодарит **Николая Свечина**
и **Ивана Скобеева** за помощь,
поправки и замечания*

© Введенский В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава первая

Сашенька восхищалась рассудительным (ах, весь в отца!) Евгением, обожала черноброво-черноокою (опять же, в Тарусова) Татьяну, души не чаяла в маленьком Володе, унаследовавшем от супруга вкупе с высоким лбом необыкновенные способности – пяти не стукнуло, а уже бойко читает и на русском, и на французском. Но, несмотря на это счастье, самым главным, самым любимым ее ребенком был муж – князь Дмитрий Данилович Тарусов.

Семнадцать лет брака пролетели как один счастливый день.

Князю завидовали. Александра Ильинична сочетала мыслимые и немыслимые достоинства. Вторым именем ее была верность, третьим – страстность. Романтическая красавица с приличным приданым, она оказалась толковой хозяйкой, умевшей на скромное жалованье мужа нанять престижное жилье и придать ему уют и очарование.

Объективности для упомянем и недостатки, вернее главный из них: княгиня была умна. Да, да! Редкий из нас, мужчин, считает сие достоинством. Почему?

Во-первых, не похвастаться. Осиная талия и стать античной богини вызывают понятное восхищение знакомых. А ум? Где и как его предъявить?

Во-вторых, умная жена непременно должна руководить. А вы, между прочим, и без нее знаете, чем заняться, вот только с дивана пока встать не собираетесь.

Однако Александре Ильиничне повезло – Дмитрий Данилович и сам был умен. Общение супругов не ограничивалось только ласками и воспитанием их последствий. Князь с удовольствием обсуждал с женой дела, читал вслух рукописи, спрашивал совета. Сашенька же была столь умна, что сама с ними к мужу не приставала...

Впрочем, зря... Эх, давно Тарусов был бы присяжным поверенным, еще четыре года назад, в 1866 году¹, когда судебная реформа началась. И гремел бы он не меньше Спасова или того же Стасовича. Но лишь когда Казанский университет под давлением Третьего отделения аннулировал свое же решение избрать князя профессором, Дмитрия Даниловича посетила давно витавшая в голове мысль.

Тарусовы всегда ужинали при параде. Сегодня же случай был особый – князя приняли в адвокаты, потому Сашенька нарядилась в новое платье, которое берегла к именинам мужа, а сам виновник торжества скрепил рукава сорочки изумрудными запонками (подарок жены к десятилетию свадьбы).

– Приняли единогласно! – в который раз хвастался супруг.

– Нисколько не сомневалась! Кого, если не тебя? – Александра Ильинична подняла бокал с искрящимся *Veuve Clicquot*². – За великого адвоката!

– Любовь моя, рано, рано еще так говорить! – смутился Дмитрий Данилович и, кивнув на детей, добавил: – И непедagogично.

– А дети со мной согласны! Да, дети?

– Да! – поспешил ответить за всех младший. – А торт когда будет?

Мама обещала великий праздник, но ни елки в столовой, ни крашенных яиц на столе Володя не обнаружил. Торт был последней надеждой превратить обычный ужин в торжество.

– Скоро, скоро! Доедай курицу, – пообещала толстая Клавдия Степановна, служанка на все руки у Тарусовых.

¹ Судебная реформа началась раньше, в 1864 году, когда был утвержден новый судебный устав. Однако судопроизводство по новым правилам началось лишь в 1866 году, тогда же был избран первый в России Совет присяжных поверенных (в Петербурге), и они смогли приступить к защите обвиняемых в суде. (Здесь и далее примеч. автора.)

² «Вдова Клико» (фр.).

С Дмитрием Даниловичем она была с рождения – сначала кормилицей, потом нянькой. Когда мальчик вырос и женился, упростила старого князя отдать их с мужем к нему в услужение. Готовила, стирала, убирала, нянчила детей, успевая все одновременно. Но в последние месяцы, после смерти незабвенного Филимоньча, служившего при жизни камердинером-истопником-полотером, тяжело ей стало спускаться по лестницам. Однако об этом после...

– А Дитцвальда в прошлом году не приняли! – вспомнил князь, дабы вернуть разговор в приятное русло.

– Ну, сравнил! – Нежно-голубые глазки Александры Ильиничны возмущенно округлились. – Сам же говорил: двух слов связать не может, даже на бумаге! К тому же подлец!

Княгиня имела все основания так говорить. Именно Фердинанд Эдуардович Дитцвальд был причиной многолетних злоключений Дмитрия Даниловича. Самого молодого и многообещающего профессора Петербургского университета князя Тарусова после студенческих волнений 1861 года изгнали с кафедры по доносу коллеги. Профессор Дитцвальд сообщил в университетский совет о чрезмерном сочувствии, которое Тарусов в частных беседах выказывал к арестованным, и о неприятии Дмитрием Даниловичем репрессивных мер, чинимых к оставшимся на свободе. Попечитель учебного округа, генерал от инфантерии Пилипсович, был с князем по-военному краток:

– Государственная служба имеет свои требования, и кто не хочет или не может их исполнять, волен ее оставить.

Дмитрий Данилович подал в отставку. Его тут же с радостью пригласили в Училище правоведения. Но три года назад, не без участия Третьего отделения, Дмитрия Даниловича попросили и оттуда. Тарусов, стиснув зубы, перебивался статейками в «Новостях» и во «Все-европейском вестнике», ожидая, что «Учебник уголовного права», над которым он корпел по ночам, вернет ему кафедру. Зря! Хоть коллеги за рукопись присвоили Тарусову степень доктора права, печатать ее, а тем более преподавать в столицах власти категорически запретили. Оставалась призрачная надежда на провинциальные университеты, но в Казани... Впрочем, об этом мы уже поведали.

– Сашенька, – развел руками князь, – не стоит так о коллегах.

– Дитцвальд – подлец! – повторила княгиня.

– Здесь дети! – напомнил ей Тарусов.

– Им и говорю! Старшим давно пора знать, что на свете не только порядочные люди, часто и подлецы встречаются...

– А я уже знаю! – неожиданно подхватила дочь. – Например, Евгений...

Сегодня утром Татьяна застала старшего брата за чтением ее дневника. Возникшая после этого перепалка продолжалась всю прогулку и закончилась примирением незадолго до ужина. Тем неожиданней для Евгения был выпад сестры. Юноша, по-взрослому выдернув салфетку и скомкав, собирался уже бросить ее на пол, как Татьяна, ехидно улыбнувшись, закончила фразу:

– ...Онегин! Евгений Онегин – подлец. И не смотрите так удивленно, маменька. Убил Ленского, добивался замужней дамы...

– Шура! – в раздражении пробурчал князь. Когда был недоволен, обращался к жене именно так. – Сколько можно повторять: Татьяне рано читать подобные книги! Всеу свое время, пусть подрастет.

Александра Ильинична сверкнула глазками. Внимательный читатель по именам детишек уже догадался, над каким романом проливалала она слезы в девичестве.

– Диди! – Княгиня часто называла мужа по инициалам. – Ты, верно, очень занят и подзабыл, что Танечке уже четырнадцать. Они с Лариной ровесницы!

– Тогда другие были времена, – парировал князь. – В пятнадцать выдавали замуж.

– Да, – согласилась со вздохом Александра Ильинична.

Дремавшая полтора года после петровской встряски Россия вдруг снова пришла в движение и такую скорость развила, будто вместо слабосильной клячи тащил ее вперед теперь могучий паровоз! Повсюду строились фабрики и заводы, бескрайние просторы туго стянула паутина железных дорог. А как Петербург преобразился! Из приземистого превратился в пятиэтажный, оброс частоколом пыхтящих труб. Да и публика на его улицах стала иной: большую ее часть составляли теперь студенты и работники³. На более удобную и практичную менялась одежда. И, конечно же, вместе с эпохой переменялись и нравы.

– А меня в двенадцать выпихнули! – на правах едва ли не родственницы встряла в господский разговор Клавдия Степановна. – У Филимоныча отец сгинул, мать померла, пятеро детей сиротами, а он из них самый старший. Без хозяйки не управиться! Вот и посватал.

– Ныне такое варварство запрещено, – напомнил Дмитрий Данилович. – Только с шестнадцати.

– И очень зря! – воскликнула Таня, выскакивая из-за стола.

– Куда? – строгим голосом спросила Сашенька.

– Почитаю.

– Глаза попортишь от книг! – проворчала вдогонку Клавдия Степановна. – Будешь вон, как отец, очками щи гонять.

Клавдии Степановне нравилось слово «щеголять» – барское оно такое, изысканное, но понимала и произносила она его по-своему.

– А торг? – напомнил сестре Володя.

Татьяна повернулась у двери и ехидно сообщила:

– Один мальчик ел, ел сладкое, ел, а потом взял и умер. Кишки слиплись!

Володя от страха (покушать любил, а смерти, как все дети, боялся) громко заревел. Александра Ильинична бросилась утешать.

– Татьяна становится решительно невозможной! – возмущенно пожал плечами Тарусов.

– Потому что подруги по дачам разъехались, посплетничать не с кем, – пояснил родителям Евгений.

– Эх! – опять вздохнула Александра Ильинична.

Дачу в этом году не сняли из экономии. Однако жара, приятная на природе, в Петербурге оказалась невыносима. Камни, из которых город построен, от солнца накаляются, и даже ночью не случается успокоительной прохлады. Прибавьте пыль, комаров, миазмы, дым фабричных труб...

«Господи, как славно, что Диди стал поверенным, – думала княгиня. – Рекой не рекой, но деньги теперь потекут. Особенно если первое дело случится громким. И выигрышным!»

Ночью, в спальне, выяснилось, что дело уже поручено. Увы, увы, по назначению безгонорарное. Незадачливый убийца право на защиту имел, а вот денег – ни копейки. Тарусову, как новичку, его и подкинули.

Дмитрий Данилович не спешил снимать халат. Прохаживаясь взад-вперед по спальне, репетировал:

– Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимый, обвиняемый в самом страшном преступлении, которое только можно представить. Прежде всего, я должен выставить его поступок без прикрас. Понимаю, что тем самым я теряю всякую возможность защитить его, но должен признать – подсудимый поступил нехорошо. Весьма нехорошо! Единственное, чем можно объяснить столь ужасное деяние, – умопомешательством! Да-с!

³ Так называли рабочих в 60–70х гг. XIX в.

Сашенька кашлянула, чтобы прервать на секунду мужа:

– Диди! Неужели настолько безнадежно?

– Увы! – развел руками Тарусов. – При обыске в доме обвиняемого найдена отрубленная голова. В прихожей висела, в заплечном мешке...

– Какой ужас... Одна голова? А тело?

– Тело всплыло днем ранее, в Малой Невке. Естественно, декапитированное⁴. Труп опознали по одежде и родимому пятну на ноге: Сидор Муравкин, старший приказчик купца второй гильдии Осетрова. Происходил покойный из крестьян Ярославской губернии, в Петербурге прожил около пяти лет. Исчез за день до всплытия. Полиция произвела обыск в доме купца, где погибший проживал, и в доме единственного родственника – брата Антипа. С обоими Сидор незадолго до смерти крупно поругался, а с братом к тому же подрался. Ну вот... У этого самого Антипа голову и нашли.

– Глупость несусветная! – Александра Ильинична порывисто откинула одеяло и буквально выпрыгнула из кровати.

– Ты о чем? – не понял князь.

– А вот ответь – с какой целью этот Антип обезглавил труп?

– Чтобы опознать не могли!

– А зачем тогда голову у себя держал?

– Говорит, закопать не успел. Я тебе главное не рассказал. – Князь посмотрел в глаза супруге. Они были друг с другом на «ты» – тоже веяние времени, в начале века подобное и представить было нельзя. – Антип признался!

– Признался?! – изумилась Сашенька. Раскаявшийся братоубийца совершенно не подходил для громкого дела, о котором она мечтала для мужа. – А вдруг его били? Вдруг пытали? Сам давеча рассказывал, как подследственного заставили соль есть, а потом трое суток не давали пить.

– Исключать подобного нельзя. Адвокат в предварительном следствии не участвует, сама знаешь...

Судебную реформу провели робкую и половинчатую. Да, суд присяжных, но не во всех губерниях. Да, у обвиняемого теперь есть защитник, призванный в состязательном процессе подвергнуть сомнению доводы обвинения, но поди докажи, что признания выбиты пытками или угрозами, а ведь оно случается сплошь и рядом! Конечно, по новым уставам одних признаний недостаточно, но по-прежнему судьи придают им первостепенное значение, а отказ от них трактуют не в пользу обвиняемого.

– А сам Антип что говорит?

Вопрос Сашенька задала с подвохом! Уже упоминалось, что Александра Ильинична с советами не лезла, но, когда было невтерпеж, давала их исподволь, в завуалированной форме. По безнадежному и безгонорарному делу даже начинающий адвокат не станет из кожи вон лезть. Вряд ли Дмитрий Данилович собирался навестить Антипа до суда. Но после слов супруги он переменял решение.

– Сегодня некогда было, коллеги поздравляли, – после некоторой паузы попытался оправдаться князь. – Завтра!

– Расскажешь?

– Непременно! А сейчас позволь я речь закончу. Слушай! Я не буду обелять преступника, господа присяжные. Он – негодяй. Но я должен, я обязан хотя бы на один волосок, на одну степень уменьшить его ответственность, а стало быть, облегчить наказание.

⁴ Декапитация (лат.) – обезглавливание.

– Блестяще! – Замерзшая в одной сорочке Сашенька прильнула к мужу и принялась развязывать пояс халата. – Я люблю тебя...

Бывают же на свете счастливые пары!

Алексей Прыжов, увидев Сашеньку у себя в прозекторской, с замиранием сердца спросил:

– Что-то случилось?

У каждой женщины есть безнадежно-безответно влюбленный воздыхатель, скромный рыцарь, который всегда подле, не докучает, скромно ждет своего часа. А вдруг? Вдруг муж окажется подлец? Бросит или помрет?

– Нет! Забежала похвастаться! – Александра Ильинична приврала. До 5-й линии Васильевского острова – не ближний свет, пришлось нанять извозчика. – Диди приняли в доверенные!

– Поздравляю! – сухо сказал Прыжов, отвернувшись, чтобы счастливая супруга новоиспеченного адвоката не заметила разочарования на его худом нервном лице.

С Алексеем Сашенька вместе росла, что и определило характер их отношений. Невозможно пойти к алтарю, коли в детстве на соседних горшках сидели. Приятель по играм, помощник в учебе (был постарше, потому всегда объяснял Сашеньке непонятное и трудное), хранитель девичьих тайн (в юности женщины так бессердечны!), крестный Татьяны (увы, в зрелости тоже!), Прыжов никогда не признавался ей в любви, но неизменно томный взгляд, дрожание рук, житие бобылем (а ведь тридцать семь стукнуло, давно пора!) выдавали неразделенные чувства.

Диди, как надеялась Сашенька, не догадывался – Алексей всегда был безупречен, да и она не давала повода.

– Уже и первое дело назначено! – продолжила Тарусова.

Прыжов промолчал. Хорошо зная Сашеньку, понимал, что приехала неспроста, есть причина, причем весомая, и терпеливо ждал, пока сама о ней расскажет.

– Может, ты слышал? Одному приказчику голову отрубили.

– Муравкину? – уточнил Прыжов.

– Да, да! – обрадовалась Сашенька.

Похоже, не зря тащилась!

– Слышал. И даже видел.

– Как рубили, видел? – пошутила княгиня.

– Нет, я голову исследовал. На затылке след от удара тяжелым тупым предметом. Предположительно, обухом топора или молотком, – на медицинские темы Прыжов говорил без эмоций, лаконично. – Склоняюсь к первому.

– Почему?

– Сомневаюсь, что преступник носит при себе сумку с инструментами. А топор у него точно был. Голову им отрубил.

– А умер Муравкин от чего? От удара по затылку или когда голову с плеч снесли?

– Хороший вопрос. Надо будет еще разок взглянуть.

– А что, голова здесь? – удивилась Сашенька.

– Здесь! В банке со спиртом плавает. Надо, кстати, напомнить окружному суду, чтоб забрали. – Прыжов черкнул что-то в блокнотик.

– Голову на суде покажут?

– Конечно. Надо ведь присяжных напугать. А то разжалобит их твой муженек велеречивостью, наплетет про умопомешательство на почве ревности, тут-то прокурор банку на стол – и все! Никакой жалости к братоубийце у присяжных не останется.

– А мне можно на голову взглянуть? – Ради дела Сашенька проглотила фамильярного «муженька».

– Конечно, нельзя...

– Ну Лешич! – заныла Тарусова и поджала губу.

Дабы не сыпать соль на раны, она никогда не флиртовала с Прыжовым, но сейчас случай исключительный.

– Я очень тебя прошу! – Сашенька потерела друга за рукав грязного халата.

Была готова даже подарить поцелуй, но Алексею просьба любимой словно приказ:

– Ладно! Тебе можно!

Трупы благочестивых людей ожидают похорон дома, в полицейские же морги свозят бездомных, нищих, безвестных. Их тела отыскиваются далеко не сразу, потому Прыжов велел Сашеньке закрыть глаза, а к носу приложить платочек.

– Смотри!

Ух! Голова не страшней оказалась, чем уродцы в Кунсткамере.

– Хотел сперва в формалине законсервировать, а потом передумал, – поделился Прыжов. – Почернеет! Сразу эффект пропадет. Не такой страшной покажется!

– А обратно передумать можешь? – прищурилась Сашенька.

Ей-то подобный эффект был совершенно не нужен!

– Только ради тебя! – подчеркнул Алексей.

– Очень прошу, – понизила голос Сашенька и, снова отступив от принципов, сильно сжала ему ладонь.

Прыжов сразу же бросился исполнять желание. Открыв крышку, щипцами вытащил из банки голову:

– А хочешь, я ее вообще потеряю?

– Хочу! – обрадовалась Сашенька, но выразила опасение: – А тебе за это не попадет?

– Не попадет! Должны были две недели назад забрать. Что я им, кладовщик при складе?

Ворчание было понятным: коллежский асессор Алексей Иванович Прыжов занимал куда более высокую должность – эксперта по анатомо-патологическим и анатомическим исследованиям Врачебного отделения Губернского правления⁵.

– Ой, здорово! – захлопала в ладоши Тарусова.

Прыжов качнул щипцами и метко запустил злополучную голову в большую жестяную бадью, в каких прачки кипятят белье. Однако на этой масляной краской криво было выведено «Отходы».

– А спиртик еще пригодится. Кого-нибудь другого законсервирую! – Прыжов, что-то вспомнив, задумчиво посмотрел на банку, а потом, закрыв крышкой, поднял ее и потряс. – Увы, придется вылить. Смотри, сколько земли!

– Земли? – переспросила Тарусова. – Откуда?

– С головы! Она грязной была. Я даже докладную писал – вдруг это важно? А в полицейском протоколе про сие ни слова!

– Раз земля, значит, голову закапывали?

– Хм... возможно. Очень даже возможно! Погода в те дни стояла сухой, ну как сейчас, а земля на голове была влажной. Значит, либо в лужу падала, либо в земле побывала.

– Получается, голову сначала закопали, а потом откопали?

– Угу! И чуть-чуть обмыли, на лице потеки были заметны.

– В общем, так. – Сашенька решительно подошла к баку с отходами и, поборов брезгливость, самолично достала голову за волосы. – Спиртуй обратно. И храни как зеницу ока.

⁵ С образованием в 1873 году Градоначальство было преобразовано во Врачебное присутствие. Функция осталась прежней – разрешение споров по судебно-медицинским вопросам.

– Слушаюсь, – вздохнул Прыжов.

Тарусова направилась к выходу. Но, опомнившись, повернулась, подбежала к Алексею и звонко чмокнула в щеку:

– Вечером жду на ужин!

Больше всех Прыжову обрадовалась крестница. Кинулась со всех ног в прихожей, по-детски обхватила шею, поцеловала, а потом вдруг смутилась. Смутился и Алексей. Татьяна-то – совсем взрослая, почти невеста.

– Как ты выросла! Вроде ведь недавно виделись! Месяца два или три...

– Четыре месяца, девятнадцать дней и девять часов, – сообщил, протянув руку, Евгений. Он не бравировал, просто отличался феноменальной памятью на всякие даты и события.

– А ты, смотрю, отца перегнал, – снизу вверх поглядел на шестнадцатилетнего юношу

Прыжов.

– Пока нет! Чуть-чуть осталось! – улыбнулся Евгений. – Полвершка.

– На барышень-то засматриваешься? – шуточно поинтересовался Алексей.

– Засматривается! Так засматривается, что шею скоро свернет! – наябедничала Татьяна. Евгений покраснел и тут же ушел.

– Ну а у тебя кавалер имеется? – подмигнул Татьяне Прыжов.

– Нет! Нет! – неожиданно выкрикнула девушка и опрометью кинулась из прихожей, чуть не сбив Володю.

Мальчуган в руках нес книжку:

– Простите, дядя Леша. Зачитался!

– «Тысяча и одна ночь, полный вариант», – прочел заглавие доктор. – Не рано ему?

Княгиня пожалала плечами:

– Так ведь сказки!

– Пойдем-ка в библиотеку, я тебе другую книжку присоветую! – предложил карапузу

Лешич.

– Ура!

Сашенька поглядела им вслед и тут же углубилась в размышления: что, интересно, происходит с Евгением и Татьяной?

В столовой случился очередной инцидент, еще больше озадачивший княгиню.

Гувернантка Володи Наталья Ивановна (вчера у нее был выходной), присев на венский стул, подскочила, словно ужаленная, и вскрикнула. Оказалось, что в сиденье вбит острием вверх гвоздь. Евгений кинулся к младшему брату, отвесил чувствительную оплеуху. Володя заревел.

Сашенька подбежала к сыновьям:

– Женя! Нельзя наказывать, не разобравшись! А если не он...

– Он! Он! – перебил старший. – После обеда выпросил у Ильфата молоток – мол, паркетину хочет прибить.

Младший Тарусов обожал всякие инструменты: если на улице ему встречался точильщик, с места было не стащить. А с дворником – татаринком Ильфатом – и вовсе был не разлей вода. Володя тайком таскал его детям сласти, а Ильфат за это пускал его к себе в каморку под лестницу. У дворника и рубанок имелся, и лобзик, и стусло, и тесло, и лучковая пила, и много других сокровищ. Александра Ильинична интерес Володи к инструментам одобряла и дружбе с дворником не препятствовала.

– Нет, не я! – всхлипывал младший. – Это Танька! Сказала, что сама молоток вернет.

– Ах ты дрянь! – Володя ринулся к сестре, но Дмитрий Данилович, которого надо было оббежать, преградил путь.

– Вернись на место! – повелел он строгим голосом. – А ты, Татьяна, будь добра объяснись!

– Фи! – девушка передернула плечами. – Почему сразу я? Мне что, делать нечего? Это Женька гвоздь вбил. Уже не знает, чем внимание Натальи Ивановны привлечь!

Евгений густо покраснел и выбежал из комнаты.

Несчастную Наталью Ивановну никто не хотел брать в услужение – чересчур уж молода и миловидна, матроны побаивались искушать собственных мужей. Александра Ильинична оказалась исключением. Не то чтоб чересчур доверяла Тарусову – вовсе нет! Просто считала, что подобные испытания должны происходить под ее контролем. Слава богу, Дмитрия Даниловича гувернантка не взволновала. А вот про шестнадцатилетнего сына Сашенька не подумала...

– Дурак набитый! – бросила вслед брату Татьяна.

– Ты тоже иди к себе! – строго приказала княгиня.

Конечно, Сашенька была обязана, отложив все, разобраться с отроческими выходками, но в доме гость... Да и отрубленная голова не давала покоя!

– Потерянный он. Сдавшийся! Смирившийся! – рассказывал о встрече с подзащитным Дмитрий Данилович. – Бубнит, словно заучил: «Убил из ревности, себя не помню». Подозреваю я, что покрывает кого-то!

– Кого? – наострила ушки Сашенька.

Кофе Клавдия Степановна подала в библиотеку. Мужчины курили, Сашенька вязала.

– Как кого? – переспросил Диди. – Жену, кого ж еще? За день до убийства у братьев случилась драка. Поводом послужили домогательства Сидора к Марусе!

– Маруся – жена Антипа? – догадался Прыжов.

– Да, – подтвердил Дмитрий Данилович. – Предполагаю следующее: на другой день после драки разгоряченный похотью Сидор заявился к ним в дом в отсутствие Антипа. Маруся, чтобы защитить свою честь, огрела его топором. Насмерть! Вернувшийся с работы муж решил тело утопить, а чтоб не опознали, отрубил голову.

Катон Старший, как известно, бубнил свое «Carthago delenda est»⁶, пока не убедил остальных сенаторов. Сашенька решила воспользоваться его тактикой и повторила вчерашний свой вопрос:

– А почему не закопал голову?

– Говорит, забыл про нее, – пожал плечами Диди.

– Врет! Он ее закапывал! – вскричал Алексей и, как договаривались, не упоминая о визите княгини в морг, рассказал об обнаруженной им грязи.

– А может, мешок грязный был? – предположил Дмитрий Данилович.

– Исключено! – заверил Прыжов. – Я внимательно его осмотрел. Мешок чистый, можно сказать, новый.

– Значит, как я и предполагал, Антип врет, – принялся размышлять вслух Диди. – И мне врет, и полиции. Зачем, интересно, он голову выкопал?

– А может, совесть его загрызла? Идти в полицию с повинной ему не позволила жена, – выдвинул предположение Прыжов. – Вот Антип хитрость и применил. Принес голову домой, чтобы нашли ее во время обыска.

– Глупость! Антип не мог знать, что полиция нагрянет к нему с обыском, – возразила Сашенька.

– Надобно Марусю расспросить, – подкинул Дмитрию Даниловичу идею Прыжов.

– Я собирался, – признался князь, – но потом передумал. Допустим, я прав и Сидора убила Маруся, а Антип только расчленил труп. Допустим, приду я к ней, каким-то чудом смогу совестить, она мне сознается. А дальше что?

– А дальше суд! Представляешь, что напишут газеты? – обрадовалась Сашенька. – «Муж покрывал супругу-убийцу!». «Блестящий адвокат разоблачает истинную преступницу!»

⁶ Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

– Ты хоть понимаешь, что тогда не только Антипа, но и Марусю признают виновной и отправят на каторгу. А у них ребенок грудной. Нет! Нет! Не возьму я греха на душу! Они сами решили, кому из них на каторгу идти. Моя же основная задача – добиться максимально возможного снисхождения для Антипа.

Глава вторая

У Поликсены Георгиевны Живолуповой всего было с избытком: достатка, фигуры, нахрапистости, только вот счастья, обычного женского счастья, не случилось. Словно с Мефистофелем по рукам ударила – счастье на ту самую нахрапистость променяла. От соглашения с нечистым и печать на челе осталась: высокий лоб прорезан уродливыми морщинами, нос от наживы раздут, словно у кобылы при виде торбы овса, а в хитрющих глазах ни жалости, ни участия, одна сплошная оборотистость. Разговаривала она громко, с нажимом и напором, в любую секунду готовясь сорваться в крик, а при особой надобности – в истерику.

Потребности Александры Ильиничны Живолупова оценила по-своему:

– Квартирку снять желаете?

Княгиня желала с Марусей поговорить, однако спорить не стала. Домовладельцы знают о жильцах много больше, чем те бы хотели, да и посплетничать не прочь, особенно когда к вашей персоне имеется у них интерес.

– Да, – кротко согласилась Сашенька.

Поликсена Георгиевна почесала свой выдающийся нос. Как назло, свободных площадей не осталось. Эх, неделей бы раньше! В мае чиновники свои семейства на дачи отправляют, от больших зимних квартир отказываются, но к концу июля начинают снимать вновь. Как раз вчера последнюю сдала.

– А звать вас, простите?

– Княгиня Тарусова, Александра Ильинична! – Сашенька гордилась и титулом мужа, и его звучной, из глубины веков, фамилией.

– Княгиня? – присвистнула Поликсена Георгиевна.

– Да!

– Простите, ваше сиятельство, сдано все подчистую.

– А на первом этаже, говорят, свободна!

Александра Ильинична не лукавила. До визита к домовладелице она долго стучалась в квартиру Антипа Муравкина, но там никто не открыл. Одноглазый дворник, лениво лузгавший семечки во дворе, пояснил, что на другой день после ареста мужа несчастная Маруся с грудным младенцем съехала. Дворник даже вещи помогал ей на подводу грузить, но вот нового адреса за ненадобностью не выяснил. Но если барыне нужно, знать его может домовладелица, к коей и направил.

– Свободна! – подтвердила Поликсена Георгиевна. – Только ведь дворницкая. Вашему сиятельству вряд ли подойдет.

– Так ведь я не жить. Бюро задумала открыть. По найму женской прислуги.

– Понимаю, ваше сиятельство, понимаю! – понимающе улыбнулась Живолупова.

Радость была вызвана сразу двумя обстоятельствами.

Во-первых, не ошиблась, как всегда, с одного взгляда просветила посетительницу насквозь: барынька перед ней гулящая, гнездышко для встреч подыскивает!

Во-вторых, порадовалась, что форточки в муравкинской квартире распахнуты. Поганец-архитектор чего-то не учел, и весь смрад от выгребной ямы шел почему-то в эту квартирку. Дворники там жить отказались наотрез! И сдать сию квартиру долго не удавалось. Потому и пустила оборванцев за два рубля в месяц.

Кто же знал, что Антип убийца?

– Так можно поглядеть? – запросилась Александра Ильинична, надеясь, что пройдоха-домовладелица разговорится.

– Нужно! – усмехнулась Живолупова. – Смотрите, кровать какая! – подмигнула она, показывая сумрачную комнатенку окнами во двор-колодец.

Изрезанный обеденный стол, лет этак двадцать служивший в соседнем трактире, гармонировал с уродцами-табуретками, покосившимся по старости шкапом, не крашенными сроду половицами и облетевшей штукатуркой. А вот огромная кровать не вписывалась, казалась краденой. Досталась она Муравкиным от самой Живолуповой. После одного из кавалеров (те у Поликсены Георгиевны не задерживались, каждого буквально сразу начинала подозревать в корысти) завелись клопы. Новомодные средства и переклейка обоев не помогли. Пришлось избавляться от мебели. Кровать, как главное обиталище мерзких тварей, сплывили несчастным Муравкиным.

– Отличная! – подтвердила Александра Ильинична.

Дышать приходилось через раз, форточки не спасали.

– Самое то! – Убедившись в выводах, Живолупова подмигнула: – Останетесь довольны.

Дорого не запрошу: десять рубчиков в месяц.

Сашеньку мутило от запаха, но, продолжая игру, задумчиво протянула:

– Десять? Так дорого...

– Зато место тихое! Днем и вовсе никого. Жильцы по службам разбегаются. А семьям до вас дела нет. Коли боитесь, по очереди заходите! – поучающе посоветовала Живолупова.

– Я бюро хочу открыть! – напомнила Сашенька, но переубедить домовладелицу не получилось.

– А чтоб вам не мешали... ну-у-у, работать вам успешно, на окна портьеры пристройте. Темные! У меня после Дондрыкиной как раз такие остались. Могу уступить.

Живолупова вела речь об аспидно-черных муаровых занавесках. Никто из жильцов подобную страсть на окна не желал. Даже Муравкины! Любая комната с этими портьерами превращалась в склеп.

– Я подумаю, – сказала Александра Ильинична, прохаживаясь по крошечной комнатке, и вдруг огорошила домовладелицу: – А правда, что здесь человеку голову отрубили?

«Вот мерзавец! – подумала Живолупова о Кутузове (так прозвали дворника из-за одноглазости). – Погоди у меня! Еще раз рот откроешь – сам сюда переедешь!»

Вслух же заверещала:

– Вранье! Вранье! Наглое вранье! Смотрите сами, ваше сиятельство, – кабы голову рубили, кровь на полу осталась бы! Так ведь?

– Не знаю, – пожалала плечами Сашенька. – Мне рубить не доводилось.

– Как же? А петуху? – удивилась Поликсена Георгиевна и тут же ехидно улыбнулась: – Ну да, ну да, вы ж княгиня!

Сама Живолупова выросла в многодетной поповской семье, работу знала любую.

– Как Маруська съехала, послала я кухарку свою Нюрку уборку здесь учинить. А сама спустилась приглядеть. Нигде даже пятнышка не нашли. Богом клянусь!

– Странно!

Как-то у Тани носом кровь пошла. Девушка постеснялась признаться и залила паркет. Клавдия Степановна потом с большим трудом пятна вывела.

– Может, корыто подставляли?

– Какое корыто? Откуда у нищих корыто? – Поликсена Георгиевна упорству клиентки огорчилась. И, по обыкновению, прибавила напору: – Голову не здесь рубили!

– Откуда вам знать? – подзадорила Живолупову Сашенька.

– Ей-богу! Маруська клялась! Я ведь, как Антипа арестовали, выгонять ее пошла. Она в ноги! Не было, говорит, здесь Сидора. Где, говорит, Антип убивал его, не знаю.

– Вы нарочно так говорите, – продолжила провокацию Тарусова.

– Сами у ней спросите! – поддалась на нехитрую уловку Живолупова.

– И спрошу! Куда, говорите, переехала?

– Я почему знаю? Она же скаженная! В ногах сперва валялась: не выгоняйте, Христа ради, а на другой день сбежала, до свиданья не сказала.

Тут Поликсена Георгиевна соврала. Маруся заходила, вот только деньги (а у Муравкиных до конца года было оплачено) Живолупова возвращать отказалась.

– Адресок, если можно!

– Справиться о квартирке хотите? Но имейте в виду – меньше десятки не уступлю! Хотя бы и двадцать душ тут зарубили, а цена меньше не будет. И так в убыток!

– Адресок...

– Да не знаю я! – призналась Поликсена Георгиевна. – Не сказала Маруся. В полицию обратитесь, к околоточному нашему. Климент Сильвестрович наверняка знает.

– Что ж, так и поступлю.

– И... не тяните! – вслед уже закричала Живолупова. – У меня желающих, как у черта рогов!

Климент Сильвестрович словно с ярмарочного лубка сошел. Ни дать ни взять Илья Муромец! Высокий, крепкий, лицо волевое, однако располагающее, а ежели улыбнется – то и вовсе добродушное. И сразу видно, что мужик хозяйственный. Домишко пусть маленький, но с цветущим палисадничком, а внутри все чисто-опрятно, и не скажешь, что холостяк обитает.

По дороге Сашенька размышляла: как же интерес свой к Марусе объяснить? Предлог, придуманный для Живолуповой, для полицейского не годился: не нравится квартира – не снимай.

Авантюрная мысль пришла уже на пороге дома Климента Сильвестровича. Дмитрий Данилович Тарусов, будучи до определенного момента государственным служащим, своим именем статьи подписывать не мог, потому в газетах использовал псевдонимы. Под одним из них, «М. Законник», равным образом могли скрываться как мужчина, так и женщина. Возникал, конечно, резонный вопрос: да разве это возможно, дама-репортер? Поразмыслив, Александра Ильинична придумала ответ. Девушки нынче на женских курсах обучаются, правдами-неправдами в университеты проникают, значит, после окончания где-то служат? Иначе зачем? Почему бы одной такой не пристроиться в газету?

А Климент Сильвестрович не удивился, даже обрадовался:

– Про меня напишете? Ух ты!

– Обязательно! – пообещала Сашенька. То есть Машенька – представилась Тарусова Марией Никитичной.

– А в каком номере? – деловито поинтересовался околоточный Челышков.

– На следующей неделе, когда процесс над Муравкиным начнется.

– Понятно! Вы... это... присаживайтесь, – Климент Сильвестрович обмахнул и без того блестящий чистотую стул. – Обязательно этот номер куплю! Матрене Ипатьевне покажу...

– Ваша жена? – вежливо поинтересовалась Тарусова.

Челышков вздохнул:

– Невеста! Который год добиваюсь! А она ни в какую! Чаю? Самовар-с только вскипел.

Сашенька-Машенька не отказалась.

– Муравкиных знал. И Антипа, и Сидора, – аппетитно прихлебывая из блюдца, начал рассказ Климент Сильвестрович. – Сидора лучше. Он пятый год здесь. То есть был здесь, царствие небесное! – околоточный перекрестился. – Что о нем рассказать? Выпить любил, как и все приказчики. Живут, бедолаги, словно в тюрьме, купцы их только по воскресеньям выпускают. Как тут не напиться? Но буйным не был, нет! А вот потрепаться любил. Что надо, что не надо, как помелом. Потому и карьера стопорилась. А мечтал-то ни много ни мало в купцы выбиться! Он даже старшим приказчиком по случайности стал... Когда Пашка Фо пропал...

– Пашка кто?

– Пашка Фо!

– Китаец? – удивилась Сашенька.

– Да нет! У него на руке всего четыре пальца имелось, большой ему в детстве косою отсекло. Вот англичанин, поставщик осетровский, и прозвал его на свой манер. На аглицком «фо» значит «четыре».

– А-а-а!

– А как англичане «три» говорят, я, барышня, повторять не стану, – засмеялся в усы Чельшков. – Неприлично!

– Сама знаю, – холодно заметила Сашенька. – Так, говорите, пропал этот Пашка?

– Нет! Это я так выразился. Из деревни своей он не вернулся. А ведь у Осетрова одиннадцать лет прослужил, и все Калине Фомичу завидовали. И Плешкин, и Пиуков, и даже Мелентьев! Пашка слепому мог свечку продать, а глухому барабан. Прошлым летом поехал он в деревню родителей проведать. Неделю нет, две, три, месяц, а потом вдруг письмо приходит. Так и так, женился. Вот Калина Фомич скрепя сердце и назначил Сидора старшим приказчиком. Тот сразу возгордился, как солдат, которого нечаянно-негаданно произвели в унтеры. Вместо «здрасьте» вчерашним товарищам «стоять, смирно» начал командовать. А еще к Калине Фомичу приставать – мол, в долю возьми, ты ж Пашке обещал! Но то Пашке... А Сидору-то за что?

– А про Антипа что расскажете? – Сашенька жалела, что не взяла блокнотик и карандаш. Какой из тебя репортер, коли ответы на вопросы не записываешь? Решила, что с завтрашнего дня станет в ридикюле писчебумажные принадлежности носить. Сердце чуяло, что расспросами Климента Сильвестровича расследование не ограничится.

– Сидор Антипа зазывал давно, но приехал тот из деревни полгода назад. И не один! С брюхатой Марусей... пардонте-с, на сносях то есть. Куда такого прикажете? В приказчики женатиков не берут! Пришлось Сидору пристраивать его к Игнату Спиридоновичу, что артель ломовых извозчиков держит. И жильё им искать. Полкойки с женой не снимешь.

– Как это – полкойки? – удивилась Сашенька.

– А это жильё такое, для мастеровых. Сейчас объясню! У одного, скажем, работа с утра до ночи, у другого, наоборот, с ночи до утра! Вот и берут койку на двоих. Пока один спит – другой трудится. Муравкиным, правда, подфартило. Сняли не угол, не комнатку, а аж квартиру! И недорого. Сидор им и с оплатой помог, Живолупова до конца года требовала.

– То есть дружили братья?

– Дружили! До крестин...

– Крестин?

– Не знаете? На крестинах-то все и произошло. Первенец у Антипа с Марусей родился на семик⁷. И Сидор упросил Калину Фомича восприемником племяннику стать. Крестили на Троицу⁸. В церкви все чин-чинарем, а вот на квартире Сидор выпил лишнего и песенку свою завел, – продолжил Климент Сильвестрович. – Давай, говорит, Калина Фомич, долю! А лучше дочку за меня выдай!

Сашенька была поражена осведомленностью Климента Сильвестровича. Ничем он не напоминал грубого, тупого держиморду из сочинений господина Гоголя. До мелочей знал жизнь своего околотка, а околоток большой: тут и доходные дома, и купеческие склады, и буяны на Малой Невке.

– Вы на крестинах присутствовали?

Климент Сильвестрович довольно покрутил усы:

⁷ Седьмой от Пасхи четверг, в 1870 году пришелся на 4 июня.

⁸ Или Пятидесятница, отмечается на пятидесятый день после Пасхи, в 1870 году пришлась на 7 июня.

– А как же, барышня! Без меня здесь и птички не чирикают! Так вот... Плюнул Осетров и ушел. А Сидор выпил еще и полез к Маруське. Баба-то... опять извините, женщина она красивая. На вас, барышня, чем-то похожая.

– Спасибо, – поблагодарила за завуалированный комплимент Сашенька.

– Но ведь братова жена! Соображать надо, даже ежели пьян! Антип ему и... того-с, врезал.

– А потом?

– А что потом? Скрутил я Сидора и в съезжий дом!⁹ Проспался он там, а утречком к Осетрову побежал, прощения вымаливать, само собой. Все! Больше я его не видел. Живого то бишь. На следующий день уже вниз по Малой Невке упокойником всплыл. Участок не наш, но городской мой, Венькой звать, из любопытства пошел поглядеть и узнал Сидора-то.

– Следствие вы вели?

– Ну что вы! Мы следствий не ведем! Наше дело – за порядком следить. А убийства судебный следователь раскрывает. А еще теперича сыскная полиция имеется. На труп Сидора лично Крутилин приезжали! А с ним трое! Как их бишь? Во, агентов! Опросили всех, и меня заодно, потом мозгами пораскинули и следующим днем вернулись обыски провести. У Антипа и Осетрова, стало быть. Калину-то Фомича зря потревожили. Человек он уважаемый, второй гильдии купец. Зачем ему собственному приказчику голову рубить? Ну а с Антипом в точку попали!

– А вы на обысках присутствовали?

– А как же! Куда же без меня? Понятых надо обеспечить, зевак отогнать, помочь осмотреть. Я и городских привлек. Так Венька мой, про него уже знаете, голову и нашел. В мешке на гвоздике висела! Все, кто на поминки пришел, сразу протрезвели!

– Полиция пришла с обыском, а попала на поминки! – догадалась Тарусова.

– Точно так, барышня! Тело после воды дома не подержишь. Да и совесть, видать, Антипа мучила. Вот и решил побыстрей убиенного брата схоронить.

Сашенька задала любимый свой вопрос:

– А голову почему не утопил?

Климент Сильвестрович пожал плечами:

– Не знаю, барышня. Может, приятелей хотел попугать? Жуть-то страшная голова эта. Венька в обморок грохнулся!

– А вы?

– Я на Кавказе служил! И не такое видал!

– Последний вопрос, Климент Сильвестрович. Хотела Марусю порасспросить, а она с адреса съехала. Куда, случаем, не знаете? Обратно в деревню – или здесь она, в Питере?

– Нет! В деревню не могла. Паспорта у ней нет, в мужнин вместе с младенцем вписана. В городе она! А где – не знаю...

Бородатый, с отвисшим животом и чесночным запахом изо рта, старшина ломовиков Игнат Спиридонович, тот самый, у которого работал Антип, оказался не столь приветлив.

– Из газеты, говоришь?

– Мария Никитична Законник! – Сашенька изящно подала ручку для поцелуя, но сидевший за конторкой мужичок сделал вид, что не заметил.

– Чего надо?

– Про Марусю Муравкину спросить...

– Не знаю такую, – чересчур уж быстро ответил Игнат Спиридонович.

– Ну как же? Муж ее у вас служил...

⁹ Здание полицейской части, где имелись камеры для задержанных.

– Не помню!

– Его за убийство арестовали...

– Не помню такого! Я двадцать фур на железном ходу держу, да конюхи, да возчики, да грузчики! За год у меня человек сто сменится. Одни приезжают, другие уезжают.

– Но Антип у вас полгода...

– Не помню. Прощайте, мамзеля, некогда мне!

Попытка расспросить на дворе, где двое ломовиков распрягали телеги, закончилась еще хуже. Сашенька не успела даже представиться, как к ней подскочила пара бугаев, подхватили и под одобрительный взгляд из окошка Игната Спиридоновича вынесли вон и закрыли ворота. Тарусова пыталась подождать, вдруг еще кто из извозчиков подъедет, однако этот маневр заметили. Один из бугаев вышел с огромной псиной на поводке и пригрозил спустить.

Редкий вечер у Тарусовых обходился без гостей. Сегодня почетное место за столом занял губернский секретарь Антон Семенович Выговский. В университете этот высокий голубоглазый юноша был среди лучших, Дмитрий Данилович пророчил ему большое будущее. Но, попав под колесо все тех же студенческих волнений, Выговский едва не оказался на улице, затем каким-то чудом устроился в полицию, а там, когда создавалось Отделение сыскной полиции, напросился под начало Крутилина, и судьба его состоялась.

Старшие дети сегодня не ссорились, наоборот, словно общая беда их сплотила – взявшись за руки, пришли на ужин, сидели с одинаково грустными лицами, на вопросы родителей отвечали односложно, а меж собой изредка обменивались заговорщицкими репликами.

А вот гувернантка, напротив, была весела. Разговаривала оживленно, постоянно шутила, даже почудилось Александре Ильиничне, что строила глазки Антону Семеновичу. Ан нет! После ужина Наталья Ивановна отвела хозяйку в сторону и сообщила, что выходит замуж. Тарусова погрустнела – снова придется искать гувернантку.

Кофе в кабинет подала сама Сашенька. Антон Семенович угостил Диди реквизированной контрабандой – отличными гаванскими сигарами. Неторопливо сочетая три удовольствия – кофе, табак и коньяк, мужчины беседовали.

А Сашенька, тихонько пристроившись с вязаньем в углу, слушала.

– Помощника уже подобрали? – осведомился Выговский.

– Нет! Ему жалованье надобно платить, а у меня лишь первое дело, да и то без гонорара.

А что? Претендуете?

Антон Семенович замахал руками:

– Нет, что вы. Я, представьте, нашел себя в сыске. Трупы, изнасилования, кражи. Сплошная романтика!

– Жаль! Думал со временем вас позвать.

– Вы не шутите? – противореча себе, обрадовался Антон Семенович.

– Вовсе нет! А романтику я вам обеспечу. Будут вам и трупы, и изнасилования с кражами.

Выговский задумался. Ему и в сыскной полиции нравилось, и с Тарусовым поработать хотелось.

– Буду крепко думать! Конечно, работать с вами большая честь, да и перспектива заманчивая. Только вот мерзавцев защищать не хочется! Не по нутру мне спасать убийц от справедливой кары. Взять того же Муравкина – это ж надо, какой супостат! Брат ему работу нашел, с жильем помог, а он его топором!

– Муравкин сразу сознался?

– Где там... Первый день запирался! Подкинули, мол, голову.

– А кто подкинул? Версии выдвигал?

– Нет! – помотал головой Антон Семенович. – Де, кто-то из пришедших на поминки.

– А вдруг так и было?

- Нет! Он убийца, он! Чуйка мне подсказывает!
- Кто-кто подсказывает? – едва не поперхнулся коньяком Тарусов.
- Чуйка! Интуиция то бишь.
- Да-с, Антон Семенович! За время работы в полиции ваш словарный запас, безусловно, обогатился.
- Не без того, – не расслышав иронии, согласился Выговский.
- И все же – как же вы добились признания? Допрашивали с пристрастием?
- Что вы! – едва не обиделся Антон Семенович.
- Ой ли?
- Пальцем не тронули! В съезжем доме Петербургской части против таких молчунов оружие секретное имеется.
- Тарусов чертыхнулся. Неужели фармацевтику какую придумали?
- Вам ли не знать, Дмитрий Данилович! – продолжил Выговский.
- Просветите! – Голосом, не обещавшим ничего хорошего, сказал князь.
- Отец Мефодий там окормляет. И так душеспасительно, что мазуриков до костей принимает! Мишка Тосненский месяц молчал, где подельник его прячется. А с Мефодием поговорил четверть часа – и все подчистую выложил. Эх! Этого бы батюшку в штат...
- Вы утверждаете, что Муравкин после беседы с попом...
- Да, да! Сам на допрос запросился!
- Поп, поп, толоконный лоб, – постукивая костяшками о столик, проговорил Дмитрий Данилович и выразительно посмотрел на Сашеньку.
- Но та разбиралась с петелькой и намек не услышала.
- Что вы такое говорите? – удивился Выговский.
- Так, стихи. Пушкин. Неужели не читали?
- Да я в основном пятнадцатый¹⁰ том...
- Понятно! А кабы Антип не признался? Уперся бы на первоначальных показаниях – передали бы дело в суд?
- Лет пять назад – непременно, теперь – вряд ли. Адвокаты проклятущие в пух и прах разнесут... Ой... Извините!
- Пустяки, продолжайте, я не из обидчивых...
- Как адвокатов в суд допустили, очень сложно стало! Если признаний с уликами нет, одни только подозрения, – отпускаем. Ничего в суде не докажешь!
- А почему доказательств не собрали?
- Каких доказательств?
- Топор, например.
- Топор Антип вместе с телом утопил. Вы разве дело не читали?
- Читал! Потому и вопросов тьма. Согласно показаниям, Муравкин убил и разделал брата дома?
- Так точно!
- Жена помогала?
- Нет! Со слов Антипа, с младенцем к фельдшеру ездила.
- Допустим! Кровь на полу нашли?
- Нет! Замыл, верно...
- Тело Антип когда выносил?
- Ночью! Днем дворник во дворе. И прохожие.

¹⁰ 15й том Свода законов Российской империи – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

– А жена? Она что же, до поздней ночи у фельдшера была? – Дмитрий Данилович сделал паузу для ответа, но такового не дождался. – Получается, Маруся знала про убийство. Или свидетельница она, или соучастница. И никакой проклятый адвокат...

– Ну я же извинился...

– ...не разнес бы вас в пух и прах, если бы вы ее допросили! Я дело внимательно прочитал, аж два раза, а вот показаний Маруси не обнаружил. Почему?

Выговский опустил голову. Его была вина, ему Крутилин поручил опросить супругницу предполагаемого убийцы. Но при задержании с бабой приключилась истерика, а на другой день она испарилась в неизвестном направлении.

– Нету показаний! – сокрушенно признался Антон Семенович. – Не успели. Уехала неизвестно куда. Внезапно!

– Искали? – уточнил Дмитрий Данилович.

– Ну так... Без упорства. Антип-то сознался... А работы много. Ой много... Сегодня еще утопленник всплыл. В Лахте...

– Тоже без головы?

– Да! А вдобавок без кожи и без мышц! Разложился бесповоротно. Все сгнило. Одежда в том числе. Как опознать, ума не приложу... Одна лишь ерундовая зацепка: на левой руке большого пальца не хватает...

– Большого пальца? – воскликнула Сашенька.

Дмитрий Данилович посмотрел на нее с удивлением.

– Но зацепка эта пока никуда не привела, – с охотой стал рассказывать Антон Семенович, стремясь уйти от разговора про исчезнувшую Марусю. – Картотеку пропавших глянули, там разнообразные экземпляры имеются: без двух пальцев, без трех, а вот без одного, да чтоб именно большого, нету. Думаю, не наш скелет, не питерский. Приплыть мог откуда угодно. Из Гельсингфорса¹¹, к примеру...

– Скелет в прозекторскую на 5-ю линию отвезли? – с надеждой спросила Александра Ильинична.

Дмитрий Данилович еще раз на нее посмотрел. Что это у Сашеньки на уме?

– Куда ж еще? – пожал плечами Антон Семенович. – Все, что непонятно, к Прыжову!

Дмитрий Данилович вспомнил о четырехпалом скелете перед сном:

– Ты Алексея Ивановича хочешь снова в гости позвать?

Сашенька нежно поцеловала мужа в ответ.

– Хорошо! – согласился Диди. – Но послезавтра! На завтра я Владимира Артуровича пригласил.

Владимир Артурович был главным редактором «Столичных новостей».

¹¹ Ныне Хельсинки.

Глава третья

Утром Александра Ильинична вспомнила про писчие принадлежности и пошла в комнату старшего сына. Дверь была приоткрыта. Доносившийся оттуда разговор премного ее озадачил.

– Обхвати за шею... – сказал Евгений.

– Фи...

– Но...

– Ни за что! Придумай другое, – капризно повелела Таня.

– Какое другое?

– Не знаю! Сам ее обхвати! Ты же спишь и видишь...

– Молчи! Тоже мне, принцесса Дурандот...

– Кто Дурандот? Я?!

– Дети! Не ругайтесь, – прервала намечавшуюся ссору Александра Ильинична. – Что это вы затеяли?

– Ничего! – Татьяна повела плечами и гордо удалилась.

– Может, ты расскажешь? – спросила мать Евгения, когда дочь с шумом хлопнула дверью.

– Нечего мне рассказывать! И некогда. Я читаю! – Сын схватил с полки книгу и, раскрыв ее, плюхнулся на стул, демонстрируя, что крайне занят.

Сашенька вздохнула. Шестнадцать – самый трудный возраст.

– Одолжи-ка мне тетрадку и карандаш.

– Возьмите, маменька, на столе.

Карандаш Сашенька выбрала новомодный, копировальный, еще именуемый химическим (если написанное таким смочить водой, будет полная иллюзия чернильной записи), а тетрадок прихватила две. Утром ее посетила мысль записать вчерашние беседы. Вдруг пригодятся? Память у Александры Ильиничны была хорошей, могла следующим днем дословно пересказать многочасовой разговор за ужином, но почему-то краткосрочной – через месяц уже ничего не вспоминалось.

Придя к себе, княгиня встала за бюро и тщательнейшим образом запечатлела события последних двух дней.

– Александра Ильинична! На ужин что прикажете? – спросила заглянувшая к хозяйке Клавдия Степановна. – Или Дмитрий Данилович гостя в ресторанцию поведет?

– Нет, нет! Дома, дома...

Рестораны были Тарусовым не по карману.

Составление меню было мучением для Сашеньки. В родительском доме, где она выросла, пищу подавали простую – каши, студни, пироги, блины, щи, борщи. И вовсе не по бедности. Дед Александры Ильиничны, Игнат Стрельцов, основатель торгового дома, гремевшего на всю Россию, происходил из клинских крестьян. Начал коммерцию с гривенника, закончил, ворочая миллионами, но привычек в еде не поменял. Чем в детстве его мать потчевала, то и подавали у Стрельцовых. А вот князья Тарусовы кушали всегда изысканно. И с размахом! Обед на тридцать персон накрывали, ужин – на пятьдесят. Один повар из Парижа был, другой из Италии. Так, незаметно для себя, имения с состоянием и проели.

Сам Диди на предков, проводивших жизнь праздную и никчемную, не походил. Сызмальства его тянуло к книгам и учению, однако семейную страсть к утонченной пище он унаследовал, благо Клавдия Степановна многому научилась как у итальянца, так и у француза. Она же до поры до времени составляла меню. Но из-за разгоревшегося однажды конфликта (о нем чуть позже) стала обременять этим хозяйку.

– Ну и что, что приготовить? – командирским тоном повторила вопрос вредная служанка.

Сашенька поджала губу и назвала первое, что пришло на ум:

– Яйца пашот, телятина под брусничным соусом, а на десерт миндальный торт.

– Ежели пашота желаете, яйца надо наисвежайшие. Из-под куры. Где я их возьму? Пост, разносчики яиц не носят. На базар надобно, а некому!

Сашенька сосчитала до десяти, чтобы не взорваться. Так учил ее дядя...

Дядя! В миру был Андрей Игнатьевич Стрельцов, а ныне отец Мефодий. Вот кто поможет!

Зажав в пальцах карандаш, она победоносно прошлась по комнате, тихонько напевая любимую увертюру к «Травиате».

Поймав извозчика, Сашенька поехала на Большую Пушкарскую.

Знала, что застать дядю непросто, но готова была ждать, сколько придется. Кто, как не он, знал ответ на взволновавший ее вопрос!

Редки в России купеческие династии, большинство их во втором колене прерываются, лишь старообрядцы по суровости веры за семейное дело крепко держатся. Причина проста: основатели торговых домов, пройдя путь с низов, копейкой дорожат и ухарство свое в узде держат, зато их сыновья, с детства огражденные от лишений, тяжкий труд зарабатывания предпочитают более легкому – мотовству. Родительские капиталы кажутся бесконечными, науку коммерции постигают дети из-под палки, еще при жизни родителя успевают наделать долгов, а уж после его смерти быстро проматывают состояние.

Такая участь, без сомнения, постигла бы и Стрельцовых. Старший сын Игната Спиридоныча Андрей натуру имел творческую, к сидению за счетами и грессбухом непригодную. Перепробовал многое: рисовал, учился в Университете на физическом, пописывал романы – все давалось ему легко, потому к каждому из занятий быстро остывал. Кроме одного: кутежа. С Андреем во главе дом Стрельцовых быстро бы загнулся. Однако отец Сашеньки, Илья Игнатьевич, вышел копией деда – хватким, оборотистым, цепким коммерсантом, только более образованным: с отличием закончил гимназию, а потом пять лет учился торговым премудростям в дружественных компаниях в Лондоне и Амстердаме. Потому дело перешло к нему, а старший брат Андрей получил лишь небольшую долю деньгами, которую тотчас пустил по ветру. Через пару лет он и вовсе опустился на самое дно, уже и не чаяли, что всплывет, но вдруг в один прекрасный день явился к брату трезвым и в монашеской рясе. Бывший нигилист и атеист, чудом выкарабкавшийся из запоя, дал зарок посвятить себя Богу.

Как всякий внезапно просветленный, за служение принял ся рьяно. Ездил в Киево-Печерскую лавру к особо почитаемому старцу за благословением удалиться в скит и наложить на себя схиму. Старец оказался мудр и в подобном рвении отказал, повелев новоиспеченному Мефодию, как человеку образованному, поступить в Сергиевопосадскую семинарию и стать священником. После окончания семинарии определили Стрельцова в Петербургскую епархию, и вот уже десять лет служил он в церкви Апостола Матфея, что на Большой Пушкарской¹².

Исповедовал Мефодий строго, проповедовал часами, потому имел как почитателей, так и хулителей. Сам вызвался окормлять заключенных в Съезжем доме. Ходили слухи, что сила его веры и дар убеждения столь велики, что после беседы с ним даже закоренелые преступники сознаются в злодеяниях.

¹² В 1933 году храм был взорван.

«Если Антипа Муравкина вразумил некий отец Мефодий, то это наверняка дядя Андрей!» – решила Сашенька.

Именно эта мысль вчера вечером посетила и Дмитрия Даниловича, он даже пытался намекнуть жене, но она из-за дурацкой петельки не услышала!

Сашеньке свезло. Отец Мефодий находился в церкви и тотчас вышел, когда Тарусова попросила диакона о встрече.

Родственных чувств не проявил, даже не улыбнулся. Строго спросил:

– Давно исповедовалась?

Сашенька соврала, что в воскресенье. Хотя выросла она в глубоко верующей семье, критический склад ума заставил ее самостоятельно изучить Библию, в середине века наконец-то заново переведенную на русский. После прочтения возникли сомнения. Нет, не в существовании Бога, а в необходимости посредников между Ним и ею.

– Я, дядя Андрей, по делу. – Сашенька категорически отказывалась называть родственника батюшкой и церковным именем.

– Слушаю.

– Говорят, ты арестованных из Съезжего дома исповедуешь?

– Правду говорят.

– Там некий Антип Муравкин сидел...

– Знаком с ним.

– Скажи-ка по секрету: он убийца?

– В тюрьму невинные не попадают.

– Он исповедался?

Отец Мефодий прищурил глаза:

– Хочешь, чтобы ради любопытства твоего я обет нарушил? Тайну исповеди выболтал? –

Отец Мефодий говорил гневно, в который раз укоряя себя, что сам же по молодости и заронил в племяннице семена сомнений. Теперь каждый прожитый день он умолял Господа простить ему этот грех и помочь Сашеньке обрести веру.

– Нет! Что ты! – смутилась княгиня. – Я... Я за благословением пришла. Диди присяжным поверенным стал, уже и первое дело назначено...

– Поздравляю, – оттаял Мефодий. Свершилось! После стольких-то лет служения племянница к нему, как к духовному лицу, обратилась! – Но за благословением пусть сам явится. Заочно только отпеть могу. – священник улыбнулся.

– Обязательно явится! Ему в среду первого клиента защищать. Антипа Муравкина, кстати.

– Бог в помощь!

– Дядя Андрей, ты тоже помоги! Намекни мне, он ли убийца?

– Александра...

– А про исповедь ты молчи. Только кивни в знак согласия. Антип – убийца?

Мефодий усмехнулся:

– Не взрослеешь ты, Александра. Такая же, как в детстве. Что в голову взбрело, вынь да положи!

Священник замолчал. Сашенька терпеливо ждала. Скажет, куда не денется, уж больно он ее любит.

– С Лешкой-то общаешься? – спросил неожиданно священник.

– Позавчера в гостях был...

– Поклон ему от меня. Жаль... Ладно! Скрывать, собственно, нечего. Муравкин твой – грешник нераскаявшийся. В убийстве не признавался.

- Так и знала. Жену он покрывает.
- Сие мне не ведомо. Но если мнение мое хочешь знать...
- Конечно!
- За десять лет я столько мазуриков перевидал, что в ад не поместятся. С первого взгляда определить могу, виновен или нет. Так вот... Не убивал твой Каин Авеля!
- Вот видишь...
- Жду Дмитрия за благословением, – оборвал племянницу Мефодий.
- А мы тебя в гости, – сказала Сашенька на прощание и вдруг призадумалась: – Ой! Не сходитесь! Полиция считает, что это ты Антипа вразумил. А оказывается...
- Когда Муравкин сознался?
- На следующий день после ареста...
- Помню то утро! Заходил я к нему. Всегда с новоприбывших обход начинаю. Руку мне поцеловал, да только тем и кончилась беседа... Посетитель к нему явился.
- Посетитель? – удивилась Сашенька.
- Да! Обычное дело – свидание. Антип извинился и ушел. А беседовали мы по душам на другой день.
- А кто? Кто посетитель?
- Я почему знаю? Родственник какой-то. Сват... А может, тещь...
- У Сашеньки забилось сердце. Антип при задержании вину отрицал. Полиция рано или поздно отпустила бы его за недостатком улик. Но явился некто, после чего Антип признался.
- Тещь, значит... Теперь все ясно!
- Жду в гости, – заторопилась княгиня.
- Лавок Калина Фомич держал три: в Гостином, на Загородном и на 8-й линии Васильевского острова, но нигде Тарусова его не застала. В последней пояснили, что большую часть времени Осетров проводит в собственном доме на Большой Спасской¹³, где расположен склад; оттуда же ведется оптовая торговля. Пришлось возвращаться на Петербургскую.
- Добралась к вечеру, уже закрывались. Приказчик оглядел недоверчиво, однако пустил.
- Покажите сукно, – потребовала Сашенька.
- Мы, барыня, для оптовиков. Ежели мужу на костюм желаете, езжайте в Гостинку, еще успеете, – предупредил ее рябой приказчик.
- Но здесь же дешевле! – недовольно протянула Тарусова.
- Дешевле! От полста рулонов.
- От полста? Господи! Мне нужен отрез...
- В Гостинку или на Ваську...
- Вот еще! Позовите хозяина!
- Дамочка...
- Хозяина! – Сашенька топнула ногой.
- Рябой переглянулся с другим приказчиком, молоденьким мальчиком чуть старше Евгения, и тот побежал на второй этаж по скрипучей лесенке.
- Чем обязан?
- Голос сверху раздался густой, обволакивающий. С закрытыми глазами в его обладателя можно было влюбиться без памяти. Но, раскрыв, оставалось упасть в обморок от разочарования. Короткие ножки давно скривились от тяжести брюха, безо всякой шеи крепившегося к тыквообразной голове, некогда кучерявой. С годами волосы отступали и отступали под натиском лысины, пока, скатавшись в валик, не окопались последним бастионом на затылке.
- Хочу с вами познакомиться, Калина Фомич! – кокетливо помахала ручкой в замшевой перчатке Сашенька.

¹³ С 1923 года – улица Красного Курсанта.

– Мы всегда приятным знакомствам рады! С кем, простите, имею честь? – Купец сжал в большущей ладони протянутые пальцы и больно дернул к губам.

Ухмыляющаяся улыбочка, нагло скользнувшие по Сашеньке свинячьи глазки даже не пытались скрыть похотливый свой интерес.

– Мария Никитична Законник, титулярного советника вдова.

Осетров облизнул в предвкушении губы. Молоденькие вдовы – самое вкусное и безопасное на последствия лакомство.

– Отрезик желаете?

– А сами как думаете? – жеманно закусила губу Сашенька.

Калина Фомич смотрел уже с нескрываемым вождением. Бабочка была сладенькая! Где надо – манкие пухлости, где потоньше положено – словно молодая осинка.

Удивительно, но Александре Ильиничне в ее тридцать пять, после троих-то детей, редко даже двадцать пять давали. «Маленькая собачка до старости щенков», – шутила она.

– Присядем, – еле сдерживая себя, предложил купец, указав на массивный обитый кожей диван.

– Я за отрезиком пришла, а этот, – Сашенька указала на рябого, – в Гостилку отсылает!

– Сейчас мы его самого пошлем. Прощка! – гаркнул Калина Фомич. – Ты это... Вместе с Гурием, того... На улицу. Пирожков купите, сбитня!

– В кухмистерской?

– В кухмистерской дорого. У Глебки. Как раз на углу стоит. Нате вот, – купец достал из кармана мелочь.

– Сию секунду!

– А вот спешить не надо! Покурите малость...

– Так уже вечер! Считаться пора! – запротестовал рябой приказчик.

– Че? – спросил хозяин столь угрожающе, что Сашенька заерзала на диване.

Похоже, она угодила в ловушку!

Рябой подтолкнул Гурия, и оба понуро прошли мимо Тарусовой к выходу. Когда захлопнулась дверь, Калина Фомич уточнил:

– Ну-с, дорогая! С чего начнем?

Надо было любой ценой тянуть время.

– С шампанского, – пролепетала Сашенька.

Отличная идея! Будет чем огреть похотливого купца, если начнет приставать!

Несмотря на вес, Калина Фомич легко взлетел по лесенке на второй этаж. И тут же покатился обратно.

– Я тебе щас дам шампанского! Я тебе всю бутылку знаешь куда засуну? Снова за старое! Опять сучку в дом приволок?! – Задыхаясь, за ним бежала толстая баба в мятой неопрятной сорочке. Ее лицо было бледным и мокрым, в руках женщина сжимала грязную половую тряпку, которой от души хлестала Осетрова.

– Это попу... копу... покупательница...

– Не ври! Ты ведь клялся! Башмаки лизал!

Спустившись на первый этаж, баба, столь же толстая, как ее муж, сперва перевела дух, а потом завизжала на Сашеньку:

– Вон отсюдава!

Княгиня вскочила:

– Я, пожалуй...

Калина Фомич даже в размерах уменьшился. Виногато шепнул:

– Супружница моя больна. Давно не в себе.

– Сейчас я устрою тебе «не в себе»! – передразнила его жена и еще раз огрела тряпкой.

– Так его, так его, маменька! – сверху появилось еще одно создание, с виду хоть и молодое, но формами мало уступавшее родительнице.

– Ух, ведьма! – погрозил молодухе кулаком Осетров и учтиво обратился к Сашеньке: – Ввиду такого недоразумения, предлагаю вам выбрать отрез в любой из моих лавок. – Он сунул ей в руку бумажку с адресами и тихо-тихо добавил: – Трактир «Дедушка» в начале Большого. На чистой половине.

Ожидала Сашенька недолго – даже чай не успели подать.

– Немезида моя! – прозвучал знакомый баритон.

Всю жизнь Калина Осетров карабкался вверх, не до учения было, лишь в последние годы стал по театрам-операм хаживать. Слов там красивых нахватался, но вот значение их уточнить не удосужился.

Тарусова решила сменить тактику. Недоценила она купца. Такие, как Осетров, флиртуют лишь минуту-другую, а затем тащат в постель, что в ее планы не входило. Потому сказала строго:

– Позвольте-ка представиться еще раз. Законник Мария...

– Марьюшка! – игриво погладил ее по ручке Калина Фомич.

– ...Никитична! Репортер «Столичных новостей»!

– Че? – уставился на невиданное доселе явление купец.

– Ниче! Пишу по делу Муравкина.

– Ну-ну! – Многоопытный Осетров мигом понял, что не обломится, однако интерес к бабочке был столь велик, что на всякий случай присел. – И что ж мадам-репортер хочет?

– Узнать кой о чем. К примеру, присутствовали ли вы, Калина Фомич, при ссоре Сидора Муравкина с его братом Антипом на крестинах?

– А с какого переполоха я откровенничать должен? Конечно, ежели... – купец кивнул вверх, где располагались нумера. Раз мадамка что-то выпытать хочет, значит, есть резон поторговаться. Что-что, а это Калина Фомич умел.

– Спасибо! В другой раз...

– Тогда и сказ в другой раз... – Осетров медленно поднялся.

Однако купеческая дочь Александра Тарусова тоже умела торговаться. Встала с безразличным видом:

– Вряд ли свидимся. Процесс на следующей неделе. Заметку надо ко вторнику сдать. Я, честно признаться, на всякий случай заскочила. Вдруг что знаете?

– Я много что знаю, – загадочно усмехнулся Осетров. – Но без соответствующей оплаты не скажу.

– И не надо. Раз такой вы вредный, напишу, что гнилыми тканями торгуете...

– Засужу, – улыбнулся Осетров. – И тебя, и газетенку твою вшивую...

– Покамест судитесь – разоритесь! – пообещала Тарусова. – Лавки ваши стороной начнут обходить...

Купец в бешенстве стукнул по столу. Газета была влиятельной.

– Ладно! Спрашивай!

Сашенька присела и достала тетрадку:

– На крестинах у Антипа были?

– Да! Восприемником! Послал Господь куманька-убийцу! Что еще?

– При ссоре Муравкиных присутствовали?

– Нет! – Калина Фомич тоже опустил на стул. – Я раньше ушел!

– Когда Сидора последний раз видели?

– Наутро. Всю ночь, скотина, шлялся неизвестно где. Я осерчал, велел вещи собирать и уматывать. Надоел...

– И что Сидор?

– Вякнул. Я – в рыльник. Ну и все! Шмотки свои забрал и ушел.

– А Антипа? Его после крестин видели?

Калина Фомич вздохнул. Бабенка ему нравилась – не передать как. Чем же зацепить? Как уломать? Орешек, видать, крепкий, но именно такие его больше всего и распяляли.

– Давай выпьем шампанского – и все-все расскажу...

– Некогда! Я про Антипа спрашивала.

Калина Фомич снова вздохнул:

– Антипа видел на поминках. Когда голову нашли.

– А в тюрьму к нему не ходили? – наугад выпалила Сашенька.

Осетров не отвечал. Тарусова подняла глаза. Калина Фомич смотрел на нее совсем иначе, безо всякого мужского интереса. Так хищники смотрят на обреченную жертву. Несколько раз дернул щекой, потом, глядя в упор, тихо сказал:

– Нет!

Сашеньке стало не по себе, очень хотелось отвести глаза. Но она нашла мужество задать самый главный вопрос:

– А Маруся где? Не знаете?

Осетров побагровел.

– Так, девка! – сказал он с неприкрытой угрозой. – Будя, поговорили. И запомни: еще раз встречу – шею сверну.

И снова стукнул по столу.

У Сашеньки мурашки побежали взад-вперед по спине. Подхватив ридикюль, она рванула к выходу.

– Куда ездила? – Дмитрий Данилович вышел в прихожую встретить супругу.

– В Гостиный. Ткань тебе на новый фрак подыскивала.

– Пашота не будет. Яйца тухлые, – сообщила Клавдия Степановна, принимая шляпку и зонтик.

Сашенька пошла на кухню. Разбив в чашку два яйца, сбила венчиком гоголь-моголь. Половину выпила сама, второй угостила Диди.

– А я говорю, тухлые! – упорствовала старая карга.

– А я говорю, готовь из этих!

За внешней Сашенькиной мягкостью скрывался твердый и жесткий характер. Клавдия Степановна за семнадцать лет знакомства не раз в этом убеждалась, но удержаться от провокаций не могла, потому что не любила хозяйку. Не пара она Митеньке! Все его предки в гробах перевернулись, когда он на купчихе женился. И ладно бы денег от пуза поимел, а то, несчастный, вынужден служить, да не в гвардии, не в присутствии, а в газете! Разве занятие сие достойно Тарусовых?

Дмитрий Данилович не вмешивался, полагая, что жена и служанка разберутся без него.

Владимир Артурович запоздал, к его приходу все проголодались, а Клавдия Степановна извела хозяев сообщениями, что яйца пашот мало того что тухлые, так уже и холодные, а телятина от долгого ожидания на сковороде состарилась в говядину.

Главный редактор влиятельнейшей газеты со свойственной журналистской братии оригинальностью был одет в белые летние брюки, желтые штiblеты и алый жилет добротного английского сукна. Буйство красок довершала синяя, в горошек, бабочка. Диди он поздравил бутылкой коньяка, Сашеньке преподнес букет тюльпанов.

– Господи? Откуда тюльпаны в июле?

Владимир Артурович, сняв неизменное пенсне, с загадочной улыбкой склонился к ручке. Знал, что Тарусова любит тюльпаны, и выпросил специально для нее букет у знакомого садовода-экспериментатора. Тот в собственной оранжерее совершал невозможное. Зимой у него цвела сирень, к марту поспевал виноград, а в октябре появлялись подснежники.

Карьеру свою Владимир Артурович начинал бутербродником¹⁴, всяких историй и баек знал массу, потому за столом, раскрыв рот, слушали только его. Даже Таня с Евгением, забыв про распри, внимали прекрасному рассказчику. Девушка так увлеклась, что смела с тарелки все подчистую – обычно же ела только половину, оберегая фигуру.

Повеселил честную компанию и Володя. Покончив с третьим куском миндального торта (вот кому следовало бы соблюдать диету), неожиданно спросил:

– Владимир Артурович! Падших женщин подняли?

У главного редактора коньяк пошел не в то горло.

Дмитрий Данилович выпучил глаза. Детей он очень любил, но участие в воспитании ограничивал общением за ужином и поцелуями перед сном. Старших иногда экзаменовал, но не строго.

Таня с Женей прыснули, Сашенька пошла пятнами.

– Володя вашу вчерашнюю передовицу случайно прочел, – разъяснила казус гувернантка Наталья Ивановна. – И потом долго-долго меня пытал: кто такие эти падшие женщины? Я объяснила, что это тетеньки, которые упали и никак не могут встать.

– Шура! – грозно погрозил пальцем Диди.

– Да, дорогой!

– Чтобы больше...

Дмитрий Данилович окончить не успел. Младший сын перебил:

– Папа! Но ты ведь сам велел отстать и сунул газету!

Теперь смеялись все.

Разговор в гостиной, опять с сигарами, кофе и коньяком, показался Сашеньке скучным. Мужчины обсуждали модные теории неведомых ей Кейса, Вурста и Кнауца. Эти господа с упорством гимназистов, споривших о первичности курицы и яйца, дискутировали на страницах ведущих европейских изданий, что откуда вытекает: сознание из совокупности ощущений или наоборот. Сашенька лишь удивилась, что Диди за такой вот ерундой следит. Впрочем, муж ее был человеком разносторонним и, без сомнения, в любой области знаний стал бы профессором, если бы захотел.

Навострила ушки лишь пару раз.

Первый – когда коснулось вещей практических, в которых Диди не силен. На вопрос Владимира Артуровича, не собирается ли Тарусов прекратить сотрудничество с газетой, Диди ответил благополучно:

– Нет, конечно. Времени пока много.

Второй – когда Владимир Артурович со смехом рассказал, что в самый момент сегодняшней сдачи номера в печать явился молодой человек и спросил, служит ли в газете Мария Никитична Законник. Ответственный секретарь его выпроводил, объяснив, что Законник-то служит, только он мужчина.

В газетах, как и на кораблях, дам не жалуют. Плохая примета!

¹⁴ Начинающим репортерам платили так мало, что хватало лишь на бутерброд и рюмку водки в трактире.

Глава четвертая

После завтрака Диди умчался по делам. Дома никогда не работал, жалуясь на шум-гам от детей, предпочитал или в Публичной библиотеке, или в редакциях.

Сашенька по вновь заведенной традиции записала в тетрадь события предыдущего дня, опустив лишь про скучных Кейса, Вурста и кого-то там еще. Закончив, перечитала с самого начала и подпрыгнула от радости! Если бы могла, поцеловала бы себя в обе щеки: «Ай да Сашка! Ай да умница!»

Идея пришла блестящая. Плохо, что требовала денег. Небольших, но даже таких не было.

Зарботков Диди хватало на съём квартиры, еду, оплату гувернантки и Клавдии Степановны. До 1861 года ей и Филимонычу, естественно, не платили. Когда после отмены крепостного права Диди назначил им жалованье, они было возмутились, но потом свыклись.

Филимоныч внезапно скончался нынешней зимой. Умер легко, во сне. Сашенька, в который раз сопоставив доходы с расходами, решила не брать никого на его место: с печками и каминами управлялся Ильфат, полотеров можно нанимать раз в месяц за небольшие деньги, а без камердинера Диди уж как-нибудь обойдется.

Клаша поначалу решению хозяев обрадовалась: ей было бы тяжело видеть на месте Филимоныча чужого человека. Но с месяц назад завела вдруг неожиданный разговор. Мол, Диди – потомственный дворянин, а одевает себя сам, что непорядок. Камердинера надобно! Сашенька сразу почувствовала неладное, но не оборвала, решила выяснить, куда ветер дует. А Клавдия Степановна простодушно сообщила, что у нее есть кандидат на такую работенку. Собственный сын Васютка!

Александра Ильинична обомлела. Беспутным Васютка был с детства, отбыл три срока в исправительных арестантских отделениях за кражи, причем в последний раз, два года назад, кроме кражи подозревался еще и в убийстве. Однако это обвинение следствие доказать не смогло.

Чужие дети растут быстро. Чужие тюремные сроки пролетают еще быстрее. Выяснилось, что Васютка уже освободился и с самого утра околачивается на кухне.

Оглядев скошенный лоб, глаза, полные водки, и рот с прореженными в драках зубами, Сашенька категорически отказала. Напрасно Диди уверял, что знает Васютку с детства, доверяет и любит почти как родного. Решающим в споре с мужем оказался, как ни странно, аргумент юридический. Княгиня напомнила мужу-профессору, что после арестантских рот Васютка не то что проживать в столице – приближаться к ней права не имеет. Дмитрий Данилович, хлопнув себя по лбу, со слезами на глазах отказал Клавдии Степановне.

Та тоже расплакалась. А на следующий день потребовала удвоить жалованье. Иначе, мол, к другим уйду. Момент выбрала удачно – Сашенька гуляла с детьми (у Натальи Ивановны случился выходной), и Дмитрий Данилович согласился, не посоветовавшись. Александра Ильинична, вернувшись, пристыдила Клавдию Степановну. Ведь знает, как им тяжело. Тоже мне, член семьи. Та огрызнулась, напомнив, что всю жизнь работала на Тарусовых бесплатно, пора, мол, и им долги отдавать.

Уволить зарвавшуюся служанку князь не согласился. А через пару дней у Клавдии Степановны разболелись ноги. Не иначе как Сашеньке в отместку! Расходы на провизию сразу возросли – у разносчиков, что продукты прямо в квартиры поставляют, цены дороже, чем на рынке.

Что ж, одно к одному. Уже ясно, что в августе собственными деньгами Тарусовым не обойтись – у старших детей учеба возобновится, из прошлогодней формы они выросли, надо новое покупать, Клашке удвоенный оклад обещан. Как ни крути, а придется просить у отца...

Внимательный читатель давно мучается вопросом: что случилось с приданым, которое в начале повествования прямо названо приличным?

А вот что.

Сватовством князя Тарусова Илья Игнатьевич Стрельцов был и доволен, и не очень. На одной чаше весов лежали титул и влюбленные глаза дочери. На другой – финансовая несостоятельность жениха и предварительный уговор с купцом Синевым. По рукам, правда, с ним не ударили, по приданому сойтись не смогли, однако Илье Игнатьевичу давно мечталось объединить два торговых дома. Какая б сила вышла!

Развевал сомнения сам Дмитрий Данилович: очаровал будущего тестя с первых слов. Оказалось, что соответствует Сашеньке по всем статьям. Умен, энциклопедически образован, целеустремлен. А разговором про приданое и вовсе сразил! Заявил, что хочет зарабатывать на жизнь собственными трудами, а вот свалившиеся миллионы лишат его всякого стимула, да и развеются без толку, как сигарный дым. Сам Диди приумножать капитал не сумеет, к тому же обременен кучей обедневших родственников, которые всякими предложениями выманят у него деньги подчистую. И предложил Илье Игнатьевичу приданое запустить в оборот, а будущие доходы капитализировать. Они с Сашенькой мечтают завести множество детей, пять мальчиков и пять девочек, пускай богатство пойдет будущим невестам на приданое!

Так и поступили.

Однако стремительная карьера прервалась на взлете, а доходов газетчика семье было недостаточно. Вот почему Сашенька иногда наведывалась (тайком от Диди) к отцу за деньгами.

В контору ехать не захотела. Младший брат Николай вечно подтрунивал над подобными визитами:

– А! Наше сиятельство пожаловала! Что, опять за взносами в благотворительный фонд? Или еще чище:

– Сестрица! Как я рад! Неужто поместное дворянство все-таки разорилось?

Шутил Николай беззлобно, по природной веселости молодого, делового, ни в чем не нуждавшегося человека, но Сашенька обижалась.

И решила на сей раз подловить отца по выходе с биржи. Илья Игнатьевич финансовые интересы имел колоссальные – тут тебе и торговля, и промышленность, и государственные подряды, импорт-экспорт, концессии, железные дороги и т. д. Часть капитала держал в акциях, потому на бирже бывал ежедневно ровно до половины первого.

Сашенька прибыла чуть раньше.

А на Петербург вдруг напала жара. Влажная, липкая, дурманящая голову предстоящей грозой.

Захотелось пить. Мимо шел с вечным бормотанием разносчик:

– Кому квасу? Кому пирожков с ливером?

Тарусова с удовольствием заказала стаканчик. Высокий русоволосый паренек ловко поймал монетку, артистически налил и, не расплескав ни капли, подал стаканчик в пролетку.

Тут на ступеньках показался отец. Сашенька, сделав несколько торопливых глотков, вернула посудину и поспешила навстречу.

На ходу выслушав новости (адвокатство Диди, встреча с дядей) и обсудив здоровье детей, Илья Игнатьевич смущенно улыбнулся и полез за бумажником:

– Сколько?

Сам предложил, зная, что дочь, хоть и пожаловала за деньгами, напрямую просить не станет.

– Сотню! – виновато произнесла Сашенька.

– Возьми-ка две! Я в прошлый раз не предложил и теперь мучаюсь, что внуки целое лето в городе торчали.

– Спасибо!

– И давай-ка договоримся: если через полгода адвокатство у нашего Диди не заладится, заставь...

Сашенька возмущенно посмотрела на родителя. Тот с нажимом повторил:

– Заставь! Я характер твой знаю. Если захочешь, такой подходец к благоверному найдешь, что до конца жизни будет считать, что сам решение принял. Он, помнится, про адвокатуру и слушать не хотел, а вот на тебе – пожалуйста. И так! Если не заладится, заставь его ко мне на службу поступить. Самолюбие учту, сразу в совет директоров введу, акционер как-никак. – Сашенька намеревалась ответить, но Илья Игнатьевич жестом показал, что не закончил: – Не беспокойся! Не штаны зову протирать! Юридических проблем у нас, как зимой сугробов. Договоров уйма, а претензий и споров по ним еще больше. Хватит Дмитрию талант на газетки разменивать. Пора общему делу служить. Ну что? Договорились?

Саша неопределенно кивнула. Обняв и поцеловав троекратно, Илья Игнатьевич сел в немецкую карету, запряженную парой чистокровных ольденбургских упряжных лошадей.

Сашенька вздохнула. Ну не хочет Диди заниматься цивилистикой!¹⁵ Почему отец этого не понимает?

Поликсена Георгиевна только-только расправилась с обедом. Обрадовавшись, пригласила Сашеньку почаевничать. Уже и не ждала! Скрепя сердце намеревалась сдать квартиру углами или даже койками. Ой, как это муторно!

Но радости не показала, стала, по обыкновению, напирать:

– Всем отказывала, всем! Письмоводитель Суярко на коленях умолял! – На самом деле несчастный бежал сломя голову, у него в вонючей комнате сразу приступ астмы начался. – Именно вас ждала! Ну что, по рукам?

Ох, не зря Сашенька с деньгами пожаловала. Домовладелица – баба прожженная, если ручку не позолотить, нужного не скажет.

Хитроумный план был придуман утром. Но ради приличий (опять же, для экономии средств) надо было поторговаться. Сашеньке это искусство досталось по наследству:

– По рукам-то по рукам. Но...

– Что «но»? За сущие ведь копейки... И паспорт не требую! – Подмигнув, домовладелица залпом опрокинула в себя чашку чая, словно и не кипяток это, а бокал вина.

– Но ведь Муравкины вам до конца года заплатили!

– Ну и что? Я вам их контракт покажу. Черным по белому...

«Фиолетовым по пожелтевшему, – подумала Сашенька, – ну да не в том суть». Юридически домовладелица была права. В случае досрочного расторжения контракта по инициативе нанимателя деньги ему не возвращались.

– Теперь ваша душенька спокойна?

– Да! – Сашенька сделала глоток восхитительного кожаного¹⁶ чая.

– Слава богу!

– Хотя нет...

– Да что ж такое, голуба моя?

– Дорого!

«Если от убытков не отвертеться, уменьши их насколько возможно!» – с таким девизом вели свои дела Сашенькины батюшка и дедушка.

– С ума сошли? За такие деньги в иной гостинице номер на ночь не снять! А у меня сразу тридцать ночей! А в октябре и декабре тридцать одна! По рукам?

¹⁵ От латинского «civilis» (гражданский) – гражданское право.

¹⁶ То есть привезенного по шуре.

– Если половину уступите... – Сашенька спокойно потягивала чаек.

Поликсена Георгиевна задумалась, потом, махнув рукой, сделала встречное предложение:

– Ладно! Спущу до семи, но плату спрошу за полгода вперед!

Сорок два рубля? Ну уж нет! Таких денег задумка не стоила.

– Ни вашим ни нашим! – встала Сашенька. – Сойдемся на восьми, но плачу пока за месяц.

– Ваша взяла! – Живолупова решилась.

Эх, недодумалась Сашенька разменять полученные «катеньки». Глаза у Поликсены Георгиевны от сотенной огнем вспыхнули. Снова предложила оплатить за полгода вперед, пусть даже по шесть. Тарусова вежливо отказала.

Мысленно пообещав себе, что несговорчивая княгиня у ней еще попляшет, Живолупова надолго пропала в соседней комнате (заработанное прятала столь далеко, что, случись пожар, неминуемо бы сгорело), а сдачу принесла чем попало. Мятые пятерки, досрочные купоны¹⁷, кучка меди, кучка серебра.

Вручила ключ и крикнула Кутузова, чтобы проводил.

Отпустив дворника, Сашенька приступила к исполнению плана. Осторожно выскользнула из квартиры, дошла до извозчика, которому приказала дожидаться за углом, и достала из экипажа завернутое в тонкую бумагу старое свое барежевое платье¹⁸. Обратной дорогой оглянулась – Резная казалась пустынной, лишь где-то в ее окончании дожидался седоков еще один извозчик да прохаживался взад-вперед уличный разносчик. Вот глупец, кому он здесь пирожки свои продаст? Глухомань!

Открыв скрипучий шкаф, Александра Ильинична засунула платье в самый дальний угол самой верхней полки и пошла за дворником.

Кутузов осмотрел «находку» единственным глазом, на вопрос, не Марусино ли, чисто-сердечно признался:

– Мы теток не разглядываем. Старые ужо!

Сашенька радостно приказала звать хозяйку.

– Нет! Не Марусино! – заявила та, явившись через полчаса спросонья и весьма недовольной. Только-только прилегла, и на тебе. – Она же из деревни. Откуда там бареж?

– А в чем ходит? – лениво задала интересовавший вопрос Сашенька.

– Вы ж ее видели...

– Нет! Так, не отыскала...

– А откуда про деньги за полгода знаете?

– От Климента Сильвестровича.

– Вот старый понос!

– Так точно не ее?

Тарусова прикинула найденную одежонку на себя, и Живолупова наконец рассмотрела платье. А ведь неплохое! Бареж, конечно, таперича не так дорог, как прежде, из отходов его наловчились ткать, но пятерку старьевщик точно отвалит. Одно плохо – будто на княгиню пошито! Как бы половчее забрать?

– Точно не Марусино! Клянусь! Маруся – голытьба! Сорочка да сарафан.

– Сарафан... – протянула Сашенька. – У моей горничной сарафан пять рублей.

– То, верно, набивной, а у Маруси из китайки¹⁹, стираный-перестираный.

Ага! Раз из китайки, значит, синий.

¹⁷ Досрочные купоны процентных обязательств обращались наравне с ассигнациями.

¹⁸ Ткань из шелковых нитей. Очень дорогая в начале XIX века, во второй половине стала доступной всем слоям населения, потому что для изготовления барежа стали использовать не полноценную шелковую нить, а отходы шелкопряда.

¹⁹ Хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, чаще всего красилась в синий цвет.

– А сорочка какая? – Сашенька, приложив платье и так и смяк, крутилась перед треснувшим в двух местах (потому и висевшим у Муравкиных) зеркалом.

От страха, что упустит выгоду, Живолупова утратила способность соображать. Иначе бы задумалась, на кой черт новой жиличке описание Марусиной одежды.

– И сорочка такая же! Наверно, еще ейная бабка в ней хаживала! Пожелтела и до дыр истончилась...

– Вышитая?

– Какое там!

– Нет, платье мне велико, – задумчиво произнесла Сашенька.

– Велико, велико! Позвольте на себя прикину, – обрадовалась чужой глупости Поликсена Георгиевна.

– А платочек какой носит?

– Синий в горошек! – Живолупова вцепилась в платье обеими руками, словно оголодавшая пантера, и сказала даже больше, чем Сашенька ожидала: – А из-под него коса торчит. В канат толщиной!

– А правду говорят, что Маруся на меня похожа?

– Похожа! Только помоложе! – брякнула, не подумавши, Живолупова.

– Что-что? Вы старухой меня обозвали? – делано возмутилась Сашенька. – Ну-ка отдавайте платье! Я его нашла!

– В моей квартире!

– Но, однако, платье-то не ваше! Жилички прежней...

– Да! Да! Я даже вспомнила какой! Как на себя прикинула, тут меня и осенило. Платье дочки коллежского регистратора Копытцова. До Маруси здесь снимали...

– Так надобно отдать!

– Не беспокойтесь! Я сама! Знаю, куда переехали...

– Если вас не затруднит...

– Что вы! – улыбулась облегченно Живолупова, пятясь к двери. – Что вы!

С Петербургской Сашенька поехала на Сенную, где множество лавочек торговали поношенной одеждой. В одной из них и купила сарафан с сорочкой, а в соседней парикмахерской накладная коса нашлась.

По выходе Тарусовой внезапно овладела тревога, необъяснимая и волнительная. Может, с Диди что? А вдруг с детьми?

Она постояла, подышала густым, терпким от цветущих филадельфусов, по ошибке именуемых жасминами за схожесть аромата, июльским воздухом. Тревога не отпускала. Она даже почувствовала, где та находится – сзади, за спиной. Оглянулась. Обыкновенные прохожие спешили по обыкновенным делам: кухарки, прачки, чиновники, офицеры, всякий торговый люд – разносчики, приказчики, лавочные сидельцы. Какой-то поручик, заметив красавицу, пугливо озирающуюся по сторонам, предложил сопроводить. Сашенька вежливо отказала. Поручик понимающе подмигнул и исчез.

Так прошло пять, а может, десять минут, пока Сашенька не опомнилась. Что же это! У нее еще куча дел, а она тут тревогу лелеет!

Сашенька отыскала извозчика и приказала ехать на 5-ю линию. Надо было пригласить Алексея на ужин, заодно и про четырехпалый скелет разузнать.

Прыжов встретил ее с настороженным удивлением:

– За десять лет, что служу этому моргу, ты не посетила меня ни разу. И – здравствуйте! Не было гроша, да вдруг алтын! За каких-то три дня второй визит.

– Я просто не знала, что у тебя так уютно, – попробовала отшутиться Сашенька.

Вела она себя, конечно, двусмысленно. Но все ради любимого мужа. Если окажется вдруг, что всплывший вчера скелет при жизни служил приказчиком у Осетрова и откликнулся на странную кличку Фо, то у Антипа Муравкина появится отличный шанс выйти на свободу. А у Диди – прославиться на всю империю. Вот будет фурор! Вот выйдет скандал! «Купец второй гильдии обезглавил собственных приказчиков!» Присяжный поверенный Тарусов тут же станет знаменит. Еще бы – предъявить в судебном процессе истинного преступника взамен обвиняемого. Такого еще не случилось!

– Сашич! Только честно! У меня есть шанс? – Прыжов таки решился на разговор, который каждый вечер проговаривал вслух, но при встречах откладывал этак лет пятнадцать.

Они называли друг друга в детстве Сашич и Лешич.

«Эх, Лешич, Лешич! Как же сказать, чтоб не обидеть?» Сашенька вздохнула:

– Лешич! Если бы у меня, как у индусов, было много-много жизней, одну из них, клянусь, посвятила бы тебе. Но, увы, в этой «я другому отдана и буду век ему верна». А ты – самый дорогой, самый близкий и единственный друг. И только ты можешь мне помочь...

Лешич помрачнел. Чтобы его отчаяние не выдали глаза, повернулся спиной:

– Рассказывай!

К концу монолога (княгиня пересказала разговоры с Осетровым и околоточным Чельшковым) пришел в ярость:

– Сашич! Ты хоть понимаешь, во что ввязалась?

Тарусова пожалала плечами. Расследование пока что представлялось ей веселой лихой игрой, этакими казаками-разбойниками. Что в нем опасного?

– Лешич, не преувеличивай...

– Сашич! Милая, дорогая... – Прыжов запнулся, а потом-таки прибавил: – Любимая! Если ты права и убивал Осетров...

– Вот! Ты тоже догадался, хоть я и не говорила...

– Если убийца Осетров, то следующей его жертвой станешь ты!

Сашеньке вспомнился отвратительный Калина Фомич, его тупые, как у крокодила в зоо-саде, глаза. Глаза убийцы!

«А ведь Лешич прав», – подумала Тарусова, и тревога ее, начавшаяся с час назад, сменилась страхом.

Прыжов, почувствовав, что Сашеньку его слова задели, продолжил напор:

– Ты хоть о детях подумай! Как они без тебя? А Диди?

Его зря припомнил! Как раз ради Диди расследование и затеяла. И сразу охвативший было страх показался ей недостойной слабостью. Сашенька решительно встала:

– Я не боюсь! – И подсластила пилюлю Прыжову: – Ведь у меня есть рыцарь, который выручит из любой беды!

Глаза Прыжова увлажнились. В глубине души он считал, что Сашич в свое время совершила ошибку. Ведь он, верный Лешич, любит ее во сто крат больше! Тоже вскочив, протянул руки. Она вложила в них свои ладошки и обреченно закрыла глаза, понимая, что сейчас ее поцелуют.

Чего только не сделаешь ради любимого мужа!

Но Лешич не решился. Только прошептал:

– Я тебя люблю...

Сашенька тоже шепотом ответила:

– Я знаю... Помоги!

– Готов на все!

И, отпустив руки любимой, тут же перешел к делу, откинув простыню с одного из мраморных столиков. Сашенька увидела грудку костей без черепа.

– Голова отсутствует по той же причине, что и у Муравкина. Отрублена топором по тому же самому четвертому позвонку!

– Ура! – воскликнула Сашенька.

Жаль, чепчики нынче не в моде. Их давно сменили шляпы с бантами, а то, ей-богу, бросила бы в воздух!

– Не кричи. Здесь морг, – урезонил ее Лешич. – Надо немедленно ехать к Крутилину.

– Э-э!.. Зачем?

– Сашич, если ты права, то Осетрова надо задержать.

– Лешич! Я тебя очень прошу, не надо!

– Но я обязан сообщить в сыскное.

– Сообщить! А вовсе не ездить. Напиши докладную, или как она там называется? Сегодня у нас суббота²⁰, в понедельник праздник, тезоименитство императрицы, значит, отправишь ты ее во вторник, а Крутилин прочтет в среду, как раз к тому моменту, когда Диди на суде разоблачит Осетрова.

– Сашич!

– Лешенька! Миленький! Если ты поедешь к Крутилину, все лавры достанутся ему. А надо, чтоб Диди. Очень надо!

У Тарусовой выступили слезы, она отвернулась.

Сашенькиных слез Лешич больше двадцати секунд не выдерживал. Начинал мириться.

«Восемь, девять», – отсчитывала княгиня.

На двенадцатой ее обхватили за плечи:

– Сашич! Сашуленька!

– Что? – спросила она, улыбаясь (все одно не видит), но на всякий случай продолжая всхлипывать.

– Сделаю, как просишь, – промямлил Лешка. – Но ты должна обещать...

Тарусова развернулась. Условий не любила, но в такой ситуации готова была из любопытства выслушать.

– ...что больше в расследование не полезешь!

– Как скажешь, – кротко сказала она, встала на цыпочки и поцеловала в щечку. – А ты сегодня расскажешь Диди про Пашку. Заодно и поужинаем вместе.

– Хорошо. Спасибо. Но постой! Откуда я про Пашку знаю? Как я это объясню Диди?

– Лешич! Лешич! Ты ведь такой умный! Придумай сам!

– Клянешься сидеть дома?

– Клянусь!

Сашенька смотрела самым своим невинным взором. Прыжов догадывался, что она лукавит, знал, что, если любимая взяла быка за рога, оторвать ее от них невозможно, но перечить ей не умел.

– Пирожки! Пирожки с ливером!

Сашенька почувствовала, что проголодалась. Кивнув поджидавшему извозчику, что на секунду, только лакомство купит, двинулась к разносчику. Рассчитываясь, подняла глаза...

Утром! Сегодняшним утром она видела этого юношу с тонким лицом и длинными русыми волосами.

– Кваску не желаете, барыня? – учтиво спросил он.

Страх, оказывается, не испарился. Он дал маленькую передышку, чтобы изготавиться к решающему прыжку. Сердце Тарусовой заколотилось с неслыханной доселе скоростью.

²⁰ Суббота в Российской империи была рабочим днем.

Он! Он наливал на Стрелке²¹ квас. Орлиный нос, уши чуть оттопырены, зубы белые как мел, узкое лицо.

Вероятно, и около дома Живолуповой он прохаживался – Сашенька вспомнила долговязую фигуру в конце улочки. Очень похож! И на Сенной, да, именно этот хрипловатый голос так разволновал ее. Но разум тогда не смог вычислить причину волнений...

Прав, ох и прав Лешич! Не в женское она ввязалась дело.

Юноша смотрел на Тарусову безразлично, будто видел в первый раз. Но Сашенька не могла отвести глаз, и паренек, не выдержав, через пару секунд смутился и покраснел.

«Дура! Выдала себя! – мысленно выругалась Тарусова. – Что ж, карты сброшены. Придется идти в наступление. Иначе решит, что боюсь. А я ведь и вправду боюсь!»

Но голос не дрогнул, после первых слов успокоилось и сердце.

– Зачем ты за мной следишь?

– Я... – Юноша испугался не меньше.

– На Стрелке квас у тебя пила!

Паренек кивнул.

– Кто приказал следить?

– Э... – Юноша запнулся.

– Осетров? – строго спросила Тарусова.

– Ага! – с облегчением кивнул тот в ответ.

– Не говори, что в морг ездила! На вот...

Она сунула юноше серебряный рубль. Тот поклонился.

– И про Живолупову не говори!

– Как скажете!

– Звать тебя как?

– Глебка!

– Завтра тоже будешь следить?

Юноша улыбнулся:

– Как прикажут!

Дома ее ожидал бедлам. Пол в прихожей был залит водой, будто после пожара. Танечка и Евгений выбежали мокрые, но счастливые. Наперебой рассказали страшную историю:

– С час назад в Таврическом саду у Тани подвернулась нога...

– Представляешь, мамочка, на мосту через пруд...

Сашенька сразу же поняла, что нога подвернулась не случайно, а в соответствии с планом, который шкодливые подростки обсуждали день назад.

– Танька... – попытался перебить сестру Евгений.

– Не танькайся, – обиделась она. – Иначе стану женькаться...

– Прекратить! – прикрикнула Александра Ильинична.

– Татьяна, – продолжил Евгений, – чтоб равновесие не потерять, оперлась...

Сашенька, подозрительно прищурясь, перебила:

– На Наталью Ивановну?

– Да! Откуда знаете, маменька?

– От верблюда! И вы вместе полетели в воду?

– Да, – неохотно, уже отводя глаза, подтвердили дети.

– Женя Наталью Ивановну вытаскивал. Не ошиблась?

– Подслушивать нехорошо! – разозлилась Татьяна и ринулась к себе в комнату.

– Куда? – крикнула вдогонку мать.

²¹ Стрелка Васильевского острова, где располагалась биржа.

- Переодеваться! – бросила дочь через плечо.
- Тогда рассказывай ты. Кто же нашу строптивицу извлек? – повернулась Сашенька к виновато потупившемуся Евгению. – Подозреваю, что и по ее душу кавалер нашелся!
- Да! – резко ответил сын. – Зовут Юрием Кондратовым. Мерзкий и гнусный тип!
- Твой соперник по Наталье Ивановне и мечта Танькиных грез? – догадалась Сашенька.
- Вы тоже не танькайтесь, маменька! – Хитрая дочь ушла недалеко: подслушивала за дверью.
- А ну марш переодеваться! – вконец разозлилась Тарусова.

Диди, узнавший про купание до Сашенькиного прихода, успел дать согласие на приглашение Таниного спасителя в гости. Сашенька рывкнула на мужа (что случилось второй или третий раз за совместную жизнь) и отправилась к Наталье Ивановне.

Выяснилось, что пару недель назад к ним на прогулке подсел молодой красавчик, упоминавшийся уже Юрий Петрович Кондратов. Студент, но не из бедных, обходительный, вежливый, смотрел томно, говорил цветисто, в общем, за первое общение подчистую деморализовал обеих барышень – Наталью Ивановну и Татьяну Дмитриевну.

К чести обольстителя, никаких авансов малолетней наследнице стрельцовских капиталов Кондратов не делал, чем, видимо, еще более распалил ее романтическое сердце.

Внимание свое ухажер сосредоточил на более зрелой из прелестниц и быстро достиг серьезных результатов. В отгульный день они с Натальей Ивановной ездили в Павловск слушать музыку, а потом молодой человек был зван на ужин к престарелой матушке гувернантки, которой тоже очень понравился. Со дня на день ожидалось предложение, но сегодняшняя казус, девушка понимает, ставит крест на ее желании заработать к свадьбе денег. Потому что Евгений, вытащив Наталью Ивановну из воды, самым наглым образом пытался оказать первую помощь, а когда та с силой толкнула наглого подопечного, упал на колени и признался в любви.

Господин же Кондратов был напуган состоянием Татьяны, которая никак не желала приходить в себя, и свистнул в свисток, случайно оказавшийся у него в жилете.

Подоспевший городской поймал извозчика и отправил промокших отроков с гувернанткой по указанному ими адресу.

– Вы меня уволите? – обреченно поинтересовалась Наталья Ивановна.

– Вас-то за что? Это моих детей следует уволить.

В наказание старших не допустили к ужину, кроме того, на завтра обоих лишили прогулки и заставили повторять курс нелюбимой ботаники. Сашенька лично пообещала их экзаменовывать, причем с пристрастием.

– Однако! – поразился Диди рассказу Лешича. – Я намеревался переквалифицировать обвинение на «убийство по запальчивости». А теперь... Надо посмотреть в бумаги, вызван ли Осетров в качестве свидетеля. Если это не сделал товарищ прокурора²², придется самому...

– Дмитрий Данилович...

– Лешич! – Князь перенял от жены шутовское обращение. – Давай по-простому. Как-никак кумовья. Ты давно член нашей семьи. Давай на «ты» и безо всяких Даниловичей.

Прыжов покраснел:

– Дмитрий...

– Диди, – поправила его довольная Сашенька.

– Диди! Осмелюсь дать совет. Выясни, на какой руке у этого Пашки Фо не было пальца. Мои источники, – тут Лешич посмотрел лукаво на Сашеньку, – не могут этого припомнить.

– Обязательно! – пообещал Диди.

²² То есть заместитель.

Глава пятая

Спала Сашенька плохо – ворочалась, прикидывала так и сяк. А что, если все-таки прав Диди: Сидора убила Маруся, а Антип взял вину на себя? Незамысловатая версия и в суде не выигрышная, зато житейски правдоподобная! История с Пашкой Фо, конечно же, эффектно, но чересчур фантастична, к тому же зиждется исключительно на догадках. Фактов-то никаких!

Хотя как – никаких? А слежка?

Покрутившись еще с полчаса, Сашенька пришла к заключению, что сама же и спровоцировала Осетрова, весьма опрометчиво пригрозив разорить Калину Фомича. Вот он и расви-репел! От трактира отправил за ней следом разносчика – разузнать, где живет, а затем его же послал в редакцию, в которой выяснилось, что Законник вовсе не женщина.

Господи! Какая же она неумь! Хорошо хоть, что Осетров в полицию не обратился с жалобой.

Впрочем, нет, не хорошо, а странно. Законопослушный гражданин поступил бы именно так. А Калина Фомич следующим днем приказал Глебке продолжить слежку. Интересно, а сегодня «хвост» за ней будет?

Сашенька отодвинула штору и выглянула на улицу. Несмотря на ранний час, по Сергеевской²³ с лотком и квасником²⁴ прогуливался Глебка.

Нет, вторую версию отметать пока нельзя! И Сидор, и Пашка Фо служили у Осетрова. А вдруг Калина Фомич смертью наказывает подчиненных заслушание?

Сашенька на цыпочках прошла из спальни в свою комнату, открыла заветную тетрадь, перечитала разговор с Осетровым. Так-так! Разгневался Калина Фомич в тот самый момент, когда спросила про Марусю!

Есть о чем призадуматься. Обе версии уперлись в одно неизвестно куда исчезнувшее лицо, Марусю Муравкину! Как же ее отыскать?

Как-как? О ее местонахождении должен знать законный муж – Антип! А способ выудить у него информацию Тарусова придумала еще вчера.

Однако планам чуть не помешал календарь. Предшествующие дни были переполнены событиями, потому пролетели незаметно, и воскресенье застало Сашеньку врасплох.

За завтраком она привычно поинтересовалась у Диди, во сколько его ждать, на что муж, улыбнувшись, сообщил, что никуда не собирается, потому что сегодня выходной.

Княгиня чуть не выронила чашку с кипятком. Завтра тезоименитство императрицы, тоже выходной. Неужели гениальный план придется отложить до вторника?

Но ведь в среду суд! Как быть?

Сашенька попробовала выпроводить супруга, напомнив, что тот собирался разузнать, на какой из рук Пашки Фо не хватало пальца, но муж рассеянно ответил, что покамест раздумывает, как бы потоньше, не привлекая ненужного внимания, это сделать.

«Выручила», так сказать, Клавдия Степановна.

Диди еще третьего дня заказал ей малосольные огурцы и, не обнаружив их к яичнице на завтрак, поинтересовался, подаст ли к борщу на обед.

– Не делала, – ворчливо ответила домохозяйка. – Не из чего!

– Как это не из чего? – удивилась Сашенька. – Вчера ты ведро огурцов купила!

– И все без пупырышков!

– Ну и что?

²³ Ныне улица Чайковского.

²⁴ Сосуд для кваса, имел дисковидную форму, широкое горло и ручку.

– Кто ж их солит? – укорила хозяйку Клаша. – Они безо всякого хруста выйдут! Для засола пупырышки нужны! Я говорила, я предупреждала, на рынке надобно брать...

– Мамочка! Клашенька! А нельзя пупырышков отдельно купить? – попытался предотвратить неминуемую ссору Володя. – У Ильфата клей есть здоровский, чего им скрепишь, лошадыми не растащить!

За столом прыснули. Только Татьяна, дувшаяся со вчерашнего вечера на весь мир, продолжала с недовольной миной размазывать варенье по манной каше.

– Увы, пупырышки сами по себе не продаются, – объяснила Александра Ильинична сыну и, не скрывая радости, объявила мужу: – Извини, дорогой, придется тебя покинуть. Поеду на рынок за огурцами.

– Сашенька, ты с ума сошла? – ужаснулся Диди.

– Вовсе нет. Если мне не разрешают уволить служанку, которая не желает работать, мне остается только одно – выполнять работу за нее.

– Сами виноваты! – огрызнулась Клавдия Степановна. – Взяли бы Васютку, жили бы, как прежде, у Христа за пазухой! Он бы и на рынок ходил...

– Дорогая, я подумал, – поддакнул ей Дмитрий Данилович. – Васютка ведь искупил свою вину!

– Что? – не веря ушам, переспросила Сашенька.

– Умоляю! – Клаша, не жалея больших коленок, кинулась на паркет. – Всеми угодниками заклинаю! Святыми отцами-матерями!

Скандал был неизбежен, и Наталья Ивановна предпочла увести подопечных:

– Дети! Все позавтракали?

– Не все! – возразил вечно голодный Володя, но Евгений что-то шепнул младшему брату на ухо, и тот в ужасе бросил ложку и побежал вприпрыжку прочь.

– Матушка! Александра Ильинична! Свята ваша душа! – продолжала верещать Клаша. – От прибавки откажусь! Втрое работать стану – только возьмите! Васютка на моих глазах должен быть. Иначе опять ограбит кого или убьет!

– А если он здесь, в этой квартире убьет? – взвилась Сашенька. – Скажем, тьфу-тьфу-тьфу, меня? Или ты только об этом и мечтаешь?

– Шура! Не говори глупостей! – попытался осадить супругу Диди. И очень зря!

– Кто глупости говорит? Я? – Сашеньке было не остановиться. Она грохнула об пол чашку императорского фарфора и выскочила из столовой, хлопнув дверью так, что аж мел с потолка посыпался.

В крестьянское Тарусова переделась прямо в спальне, хотя первоначально собиралась делать это тайно, в соседнем с домом трактире. Очень уж захотелось уязвить Диди! Ишь, каков! Под Клашкину дудку вздумал плясать!

Нарочно прошлась мимо кабинета мужа.

Князь, увидав супругу, снял с носа очки, протер, потом снова нацепил.

– Что смотришь? – изображая непонимание, поинтересовалась Сашенька. – У меня хвост вырос? Или нос отвалился?

Князь не нашелся с ответом.

Клавдия Степановна до того охаживала его целую неделю: плакала на плече, стояла на коленях, в результате чего он пообещал еще раз подумать над будущим Васютки. Но служанка неожиданно завела разговор сама, да так не к месту, столь неловко! Сперва раззадорила пупырышками, а потом...

Такой грандиозный скандал, с хлопаньем дверьми и битьем чашек, произошел у Тарусовых в первый раз. Но, судя по всему, не в последний. Приятели постарше предупреждали Дмитрия Даниловича: семейное счастье недолговечно. Женщины – точно вино: пока молоды, кру-

жат голову; в зрелости их пьянящая сладость сменяется изысканной терпкостью, которую чуть позже безжалостная старость неминуемо превратит в кислый уксус, способный лишь обжигать и ранить.

Неужели Сашеньку тронул тлен? Так скоро?

– Или крестьянское мне не к лицу? – продолжила издевку княгиня.

– Да нет. Напротив, – усмехнулся Тарусов. – «Во всех ты, душечка, нарядах хороша!»

– Что с Пушкина на русский переводится как: «Подлецу все к лицу»?

– Господи! Это невыносимо! – Диди схватился за голову. – Словно ты с цепи сорвалась!

Какая муха тебя укусила? Что за маскарад?

Князь выпрыгнул из кресла и направился к супруге.

– Ты разве не слышал? – невозмутимо объяснила Сашенька. – Иду на рынок за пупырышками!

– Боже мой! Сашенька! Будь разумней! Согласись наконец с нами... Тьфу! Со мной, конечно же! Нам нужен слуга. Я вынужден сам подавать себе одежду...

– Ах, как же это тяжело!

Диди сжал кулаки, чтобы не вспылить, не наговорить обидного, и постарался продолжить как ни в чем не бывало:

– Я серьезно говорю! Ну сама представь – за те же деньги в два раза больше слуг! Ты ведь купеческая дочь, выгоды считать умеешь!

Дмитрий Данилович не собирался прекрывать жену происхождением. Просто к слову пришло. Но как раз это слово и оказалось той каплей, что переполнила чашу.

– Вот именно! – вскричала Сашенька. – За деньги, что платим Клашке, можно нанять двоих... троих нормальных слуг! Которые будут пахать как лошади!

– А разве Клаша не пашет? Она на нас здоровье свое угробила!

– А знает ли ваше сиятельство, – купеческим происхождением Дмитрий Данилович Сашеньку задел. Ух, задел! Тема была болезненной, родственники мужа относились к ней свысока, иначе как мезальянсом их брак не называли, – как поступают с загнанными клячами? А? Их волокут на живодерню!

– Шура, бога ради, прекрати! Прекрати испытывать мое терпение! В тебе нет ни капли жалости к несчастной женщине!

– Зато из тебя жалость хоть выжимай!

– Ты переходишь границы...

– Уже перешла! Выбирай: или я – или она!

– Что?

– Что слышал. Или ты немедленно выгонишь Клашку, или уйду я!

Диди захлопал глазами. Происходило что-то невероятное. Бунт на корабле! Сашенька никогда, никогда ему не перечила, даже если по запальчивости или навеселе он молот вздор. Всегда мягко соглашалась: «Да, дорогой. Конечно, дорогой».

– Дорогая!

– Да, дорогой.

Знакомая фраза прозвучала вовсе не умиротворяюще. В ней был вызов, подтрунивание, завуалированное оскорбление, черт возьми!

– Шура, нельзя так ставить вопрос! Все равно что спросить, какую из рук отсечь!

– Прости, дорогой, но придется тебе стать калекой.

Дмитрий Данилович почувствовал, что криком и угрозами он ничего он добьется. Потому тон сбросил, сказал ласково, почти подлизываясь:

– Сашенька! Ну не надо...

Бесполезно! Жена только больше взбесилась и затопала ногами:

– Мне надоело быть рабыней собственной служанки!

– Любимая! Успокойся! – Диди обнял супругу за плечи и подвел к черному кожаному, невероятно уютному и мягкому дивану, на котором обожал размышлять лежа. – Давай присядем, вместе поищем компромисс. Вопрос с Васюткой, так и быть, пока снимем с повестки...

– Что значит пока? – резко ответила Сашенька. – Ты хочешь, чтобы он наших детей зарезал?

– Единственная моя, выслушай! И постарайся понять! Я должен, я просто обязан ему помочь. Васютка – жертва крепостного права, жестокого произвола моего отца. Папенька проиграл его в карты...

– Потому что Васютка крал у него деньги...

– Ничем не подкрепленное обвинение! Мы должны...

– Мы никому ничего не должны! – сказала, как отрезала, Сашенька. – За собственные деньги я желаю иметь исполнительную кухарку, вежливую горничную и честного камердинера. А не отпетого каторжника вкупе с его бесстыжей матерью...

– Саша! Как у тебя только язык поворачивается? Клаша вырастила меня, наших детей...

– Мы скажем ей спасибо...

– Я не способен выгнать старую больную женщину на улицу!

– Ладно, так и быть, оплатим ей ночлежку. Только чтоб я ее здесь больше не видела.

– Нет! Пстой! Давай так. – Дмитрий Данилович отметил, что пыл у супруги ослабевает, и решил предложить временный вариант, который, как известно, потому и временный, что до окончания времен. – Как только я начну прилично зарабатывать, я назначу ей пенсию, и вот тогда...

– А когда ты начнешь зарабатывать?

Диди пожал плечами.

– Но хотя бы примерно?

Не чуя подвоха, Тарусов вдобавок развел руками:

– Ну не знаю...

Сашенька снова поднялась:

– А хочешь прямо с понедельника?

– Как это?

– Отцу требуется юрист...

– А я тут при чем?

– Ты доктор права!

– Шура! Шура! – У князя затряслись руки. – Я... Я не желаю подачек!

– Какие подачки? В конторе работать надо!

– А я разве не работаю? – Диди тоже вскочил.

– Работаешь! Но не зарабатываешь! Во всяком случае, столько, чтобы содержать еще и Клашку с Васюткой!

– Послушай! Я пытаюсь найти компромисс...

– За счет меня!

– Но я... я никак не могу... У меня дело назначено!

– Так делай его, хватит диваны просиживать. Бери ноги в руки и отправляйся на Петербургскую!

– Что-то еще? – Диди потихоньку начал вскипать.

– Когда вернешься, погоняй старших по ботанике. А с Володей почитай по-французски вслух. Он окончания проглатывает...

Князь от неожиданности закашлялся. Почувствовал себя Золушкой, которую за все ее добродетели лишили бала, надавав кучу невыполнимых поручений.

– А про Клашу закончим вечером, – добила его княгиня. – Я на рынок опаздываю! Того и гляди, пупырышки закончатся.

Сашенька выскользнула через черный ход. Ильфат подозрительно покосился, но не узнал. Нарочито медленно Тарусова продефилировала перед Глебкой – даже не оглянулся. Вот как одежда и яркие румяна меняют внешность. Отлично!

Прикинув, а не прокатиться ли по такой жаре на пролетке, Сашенька решила все же до Фурштатской прогуляться пешком – крестьянкам лихачи не по карману.

В простонародном наряде обнаружили свои преимущества: льняной сарафан и ситцевая сорочка гораздо лучше продувались, нежели облегающие платья из дорогой, но тяжелой ткани. Вот только зонтик от солнца не помешал бы!

В съезде дома Литейной части²⁵ Тарусова выстояла длинную очередь и перед дверью в кабинет помощника смотрителя мечтала об одном: поскорее отсюда выбраться. Душно, тесно, вонько, влажно, а она без веера!

Лысый помощник оглядел Тарусову привычным к чужой беде взглядом, не стесняясь, вытащил из только что принятой передачи яблоко, буркнул:

– Ну?

– К Антипу Муравкину.

– Кто? – вонзая гнилые зубы в плод, поинтересовался помощник.

– Муравкин. Разве не у вас сидит? – удивилась Сашенька. – У него в среду суд, должны были перевезти.

– Может, и у нас! Кто?

– В каком смысле? – снова не поняла Сашенька.

– Ты ему кто, тетеха? – зашипела сзади старуха в черном.

– А-а-а! Жена!

– Давай передачу! Неположенное есть? – Помощник догрыз яблоко и схватился за следующее.

– Мне бы свидание!

– Разрешение есть?

Сашенька помотала головой.

– Без разрешения от следователя не положено! Следующий!

– Рубчик, рубчик сунь! – опять подсказали сзади. – Э-эх, скобариха бестолковая...

– Следующий, говорю! – прикрикнул на Сашеньку помощник смотрителя, но та уже вытаскивала из широкого кармана узелочек с деньгами, скрепленный от потери булавкой. – Натя...

Увидев россыпь серебра и купюры, необдуманно вытащенные княгиней, чиновник осклабился:

– Ого! А билет-то есть?

– Какой билет? – не поняла Сашенька.

– Какой-какой? Желтый! Трусами праведными таких грошей не заработаешь, – помощник погрозил пальцем и сально осклабился: – Есть или нет?

– Есть! – чтобы отвязаться, соврала Сашенька.

– Покажи!

– Не взяла с собою!

– Тогда еще полтинник!

– Дай ему, дай! – снова зашептали сзади. – Вдвоем побудете!²⁶

²⁵ Ныне Фурштатская, 26.

²⁶ По правилам свидания проходили в присутствии надзирателя.

Старуха в черном драдедамовом²⁷ салопе не ошиблась. Сашеньку отвели в отдельную камеру, где велели ждать. Она осмотрелась: откидная к стене кровать, деревянная скамья, столик, табурет и маленькое зарешеченное окно.

Где-то в глубине коридора послышались шаги.

Черт! Свет из окошка падал прямо на табурет! Сашенька попыталась перенести его в дальний угол, но оказалось, что он привинчен к полу.

Шаги приближались. Что делать? Чем позже Муравкин раскроет обман, тем больше она узнает.

Сашенька села на табурет, наклонила голову к коленям и прикрыла ладонями, как будто плачет, лицо. Какого бы роста ни была Маруся, как бы ни отличались они с ней по фигуре, в первый миг, очутившись из освещенного коридора в темной камере, Антип примет Тарусову за жену. Ждет ведь, поди! А там как Бог даст...

Лязгнула дверь.

Сдавленный радостный вздох:

– Маруся!

– Полчаса! – пробурчал надзиратель и захлопнул дверь.

Вошедший бросился к Сашенькиным ногам:

– Ты все-таки пришла!

Сашенька чуть наклонилась, поцеловала Антипа в затылок и тихо спросила:

– Зачем ты признался?

Голос сразу Сашеньку выдал. Муравкин в ужасе отпрянул, чуть не упав спиной навзничь:

– А! Ты кто?!

– Друг, – коротко объяснила Тарусова. – Хочу вытащить тебя из тюрьмы!

Молодой мужчина с курчавой бородкой и сбитым вправо носом смотрел на Сашеньку испуганно и недоверчиво. Тарусова схватила его за руку:

– Ты же не убивал Сидора? Так ведь?

Антип кивнул.

– Назови тогда убийцу!

Он помотал головой.

– Маруся?

Муравкин со злостью выдернул руку:

– Зря стараешься, лярва!²⁸ Ишь, Маруськой вырядилась! Правильно Каланча говорит, сыскные хуже шпанки!²⁹ Мало вам меня, заодно Маруську в кандалы хотите обуть... Натяните, выкуси!

Антип показал Сашеньке неприличный жест.

– Дурак, я не из сыскаго! – обиделась Тарусова.

– Кто б тебя?.. Да в отдельную камеру?..

– Я в газете служу! О суде твоём буду писать.

– Больно кому интересно! – Антип встал, подошел к двери и три раза стукнул: – Эй, выпустите меня!

– Постой, Антип! Выслушай! Я правда помочь хочу! Сам же признал, что оговорил себя...

Арестант резко развернулся:

– Слышь, ты... писака! Маруська ни при чем! Поняла?

²⁷ Шерстяная ткань тоньше сукна.

²⁸ В уголовном жаргоне лярвой могут назвать воровкупредательницу, выдающую своих подельников, то есть предательницу, скрывавшуюся под личиной «своей».

²⁹ Воры низших разрядов.

Сашенька всегда доверяла глазам. Глаза не могут врать. Антип сказал ей правду! Маруся не убивала Сидора. Что ж, к лучшему. Диди остался с носом.

– Кто ж убийца?

– Я! Я! – закричал Антип и попытался рвануть на груди рубаху. – Слышишь, тварина? Я!!!

По коридору загрохотали сапоги. На проверку второй версии оставались секунды.

– Нет, не ты! – Сашенька последние минуты уже корила себя, что плохо подготовилась к разговору, глупо понадеявшись на наитие и вдохновение. Но в решающий миг они не подвели. Кусочки смальты, до того не желавшие складываться в мозаику, внезапно соединились: Антип признался в злодеянии после посещения родственника – брата или свата. Нет, не свата – кума! Кум к Антипу приходил! Калина Фомич! – Тебя Осетров заставил сознаться! Так?

Попала в точку.

– Д-да... – глухо вымолвил Антип. Лицо его исказилось, в бессилии он опустился на пятки, обхватил голову руками и заплакал.

Скрипнул замок, отворилась дверь.

– Что? Уже натискались? – грозно спросил надзиратель.

– Нет, нет! – бросилась к нему Сашенька, доставая из узелочка еще один серебряный полтинничек.

– А пошто кричим?

– Осерчал соколик, что без ребеночка пришла! Соскучился по дитяти! Нате за беспокойство.

– Больше не стучите. Ноги не казенные, по коридору взад-вперед...

Когда шаги затихли, Сашенька принялась развивать успех:

– Итак, убивал Осетров. Он же и голову тебе подкинул?

– Коли знаете, почему не арестуете? – с горечью промышчал Антип. – Денег дал?

– Да говорю тебе, я не из сыскаго! Из газеты. Про убийц пишу и грабителей. Может, читал? Законник моя фамилия!

– Да неграмотный я. Говорил брат: «Учись, Антипка», а я будто знал, что с бритой головой по тракту побреду.

– Хоронить себя не спеши! Даст Бог, вытащим! Если подсобишь, конечно. Знать-то я про Осетрова знаю, а вот доказать не могу. Поможешь?

– Как? Я при убийстве не присутствовал. А кабы присутствовал, все одно здесь бы сидел. – Антип вдруг вскочил: – В ключья аспида бы порвал! Сидор мне... Кабы не Сидор, вспухли бы мы с мамкой с голодухи! Когда батя наш на пожаре погиб, Сидор в Москву пошел, сидельцем в лавку пристроился. Одиннадцать ему было, а мне пять. Уж не знаю, как он зарабатывать умудрялся, сидельцы ведь за прокорм служат, может, и воровал, но деньги нам с мамкой каждый месяц посылал. А мне наказывал, чтобы я у попа учился. Но я, телепень, только счет освоил. Потом Сидор в Петербург подался, здесь платят лучше – столица. Как в приказчики выбился, стал меня звать. Три года звал, а я все отнекивался, ждал, пока Маруся подрастет. Мне десять, а ей восемь было, когда поклялись друг другу, что обвенчаемся.

– А правда, что Сидор к Марусе приставал? – вдруг усомнилась Тарусова.

– Правда, – вздохнул арестант. – По пьяни Сидор дурной... был. Маруська-то моя – писаной красоты. Всем мужикам нравится. И ему тоже. Эх, братуха...

Антип снова зарыдал. Сашенька молчала, терпеливо ждала, пока успокоится. Наконец Муравкин вытер рукавом слезы, вздохнул тяжело и сказал:

– Зря вы пришли, барыня! Ничего я не знаю. Невинность свою доказать не могу.

– Э-э-э! Нельзя руки опускать!

– А я не опускаю. Как с каторги сбегу, с Осетровым, кумом моим любезным, за все рассчитаюсь! Шкуру с живого спущу. Ноги-руки по кускам сломаю. Смерть ему счастьем покажется.

– Не бери греха на душу! Даже не думай про такое! Шансы вытащить тебя имеются, понимаешь? Расскажи-ка все-все-все по порядку! Для начала: как Осетров к тебе в тюрьму приходил?

– Ну как? Обниматься не лез. Сказал, что раз голова в моем доме найдена, все одно виновным сочтут. Так уж лучше признаться, послабление за то от властей выйдет. А от него помощь – семью мою будет содержать, пока я на каторге парюсь. Маруся, мол, красавица, нельзя ей за мной следовать³⁰, иваны³¹ как пить дать отобьют, да и Петька в Сибири не выживет.

– И ты согласился? – искренне удивилась Сашенька. До чего простак!

– А что было делать? Калина сказал, что Живолупова моих с фатеры выгнала, денег не вернула, жить им негде, жрать нечего. Если буду отпираться, помогать не станет. Я подумал-подумал и признался.

– Ну что ж ты, Антип!

– Я ж неопытный! Первый раз на царевой даче³². Понадеялся, что не сегодня завтра настоящего убийцу поймают, а пока хоть Маруся с Петькой голодать не будут. Это потом уж Каланча мне растолковал, что, как только я сознался, полиция искать и перестала.

– Да кто такой этот Каланча?

– Знающий человек. Пятый раз в Сибирь пойдет. Он про Калину все мне по полочкам разложил. Зачем, мол, Осетров тебя к признанию принуждал? А? А потому что сам убийца и есть.

– Ну вот – так на суде и скажешь!

– А кто поверит? Я собственноручно крест на бумаге ставил! Решат, что выворачиваюсь. Нет уж... Попал в котел – не чирикай!

– Тебе, может, и не поверят, а адвокату поверят.

– Облакату? Вы его видели?

– Нет, – на всякий случай соврала Сашенька.

– Врун плешивый! Заявил, что князь. Вся камера со смеху покатывалась. Разве станет князь убийц защищать?

– Станет! Захочет кушать – еще как станет. А плешив он от большого ума. Мысли в голове не помещаются, потому и волосы выпыпадали.

Антип задумался. Потом на полном серьезе согласился:

– А ведь верно! Каланча тоже лысый.

– Значит, адвокату все и расскажи.

Снова глубокие раздумья.

– Ну что опять? – не выдержала Сашенька.

– Боюсь!

– Чего?

– Калина пригрозил, ежели не признаюсь, Маруську в веселый дом³³ сдаст, а Петьку – нищим. Им с младенцами больше подадут.

– Вот мерзавец!

– Свет таких не видывал!

– А как бы с Марусей твоей потолковать? Где ее найти?

³⁰ Жены каторжников имели право сопровождать своих мужей по этапу.

³¹ Высшая каста преступников.

³² Тюрьма (*жарг.*).

³³ Публичный дом (*устар.*).

– Не знаю, барыня! Не знаю! – Муравкин опять зарыдал. – Может статься, и в живых ее уж нет!

– Не реви! Хорошо, Марусю твою я сама отыщу. И спрячу так, что никакая калина-малина не сыщет.

Антип бросился Тарусовой в ноги:

– Спасибо, барыня! Всю жизнь за вас молиться буду! А Марусе, ежели найдете, скажите, что люблю ее. Больше жизни, больше свободы!

– Обязательно скажу! – пообещала растроганная Сашенька. – Все, мне пора. Может, еще какие просьбы есть?

Антип опустил глаза.

– Да говори, не стесняйся!

– Не знаю имени-отчества...

– Ал... Мария Никитична!

– Марья Никитична, если можно... Если есть... Одолжите хоть рубль. В тюрьме без денег никак! Сплю, как собака, под лавками, Череп каждую ночь грозитя...

Антип вдруг замолчал.

– Череп? Это кличка?

– Да!

– И чем угрожает?

– Вам лучше не знать! Простите, что денег прошу...

– Нет, что ты... Сейчас, сейчас...

– Я, как выйду, верну.

Сашенька успела отстегнуть булавку, залезть в узелок и достать серебряный рубль с профилем императора Александра Освободителя, как вдруг дверь открылась:

– Ты, что ли, Маруська Муравкина?

Лица было не разглядеть, однако силуэт в проеме впечатлял. Подобные только у начальников бывают, подчиненным так не разъесться!

– Нет, это... – попытался сказать правду Антип, но Сашенька закричала из-за его спины:

– Я это, я! Маруся!

Не хватало еще, чтоб разоблачили!

Торопливо обняла оторопевшего лжемужа:

– Не волнуйся, Антипушка! Ничего мне не сделают!

– Ну-ка за мной! – скомандовал силуэт.

– Так надо! Иначе свидание бы не разрешили, – объяснила Сашенька Антипу на прощание, сунув в руку деньги.

В уже знакомой комнате помощника смотрителя стало еще жарче. И от безжалостного солнца, испепелявшего все живое через распахнутое окно, и от выволочки, что устроил подчиненным силуэт:

– Безобразие! На час не оставить! Старуху-мать не навестить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.